

The background of the book cover is a collage of abstract elements. It features large, expressive splatters of red and yellow paint. Several bullets are scattered across the composition, some pointing upwards and others downwards. In the top left corner, there is a circular metallic object, possibly a coin or a bullet casing, with some faint markings. The overall aesthetic is gritty and evocative, suggesting themes of violence or conflict.

Алексей Черных

Отражённым светом

Мерцающие стихи

16+

Алексей Борисович Черных

Отражённым светом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51399270

SelfPub; 2020

Аннотация

Гении одаряют нас своим светом, ровным и ярким, вдохновляющим. Не гении, как и скромный автор данной книги, в лучшем случае мерцают светом отражённым и ненавязчивым. В данный нескромный стихотворный сборник скромного автора включены произведения, в которых прямо или косвенно упоминаются: Бог и божества, герои эпоса и сказок, поэты, писатели, художники, учёные, чьим отражённым сиянием подсвечены стихи автора.

Содержание

Исса, сын крестьянина	8
Шмели и Бунин	11
Петрарковое	17
Пастернаковое	20
Пикассовое	33
Околовиннипуховое	43
Троллизм-торквемадизм	49
Мрачные осенние размышления перед сном	58
Где-то в Мессинском проливе между Сицилией и Калабрией примерно в начале XII века до н.э.	72
Баллада о неТристане и неИзольде	75
Осенняя сценка из Фауста	90
Сцена не из Фауста	93
Так говорил Петрович	137
О Золушке	160

* * *

Имея желания плотские,
Он сдерживал чувства свои.
Ещё не любил он Бродского,
Стесняясь своей нелюбви.

Любил он еду домашнюю,
Не принимая фаст-фуд,
Но эту любовь к настоящему
Скрывал от злых пересуд.

Стеснялся выразить мнение
И что-либо осуждать.
И в обществе потребления
Стеснялся не потреблять.

Мейнстримы интеллигенции
Давили его естество.
Нелепые тренды, тенденции
Рождались не для него.

Стеснялся он даже стеснения,
Себе говорил: не глупи,
Не сдерживай чувства и мнения,
И Бродского возлюби.

* * *

Легко эстетствовать по жизни!
И в стихотворную канву
Изящные неологизмы
Вплетать, поддавшись озорству.

Труднее сочинять простое
И не кичиться, не форсить,
Что есть умения такое
С благими музами дружить.

Сейчас ненужное уменье.
А в пушкинские времена
Имел бы славу и почтенье,
Пусть не доходы – ордена.

Блистал бы на любовном фронте,
Даря поэмки и стишки.
Писал бы барышням экспромты
В надушенные дневники.

Не утруждаясь политесом
Дуэльных кодексов, силком
На баттл вызвал бы Дантеса

Пинать задиристым стихом.

К чему рапиры-пистолеты,
Когда гусиное перо
С моим талантом ткать сонеты
Сумело б отстоять добро.

Сумело б выстроить эстетный
Воздушных замков яркий мир!

(И провести междупланетный,
Масштабный шахматный турнир?)

Легко эстетствовать по жизни,
Витийствовать и рассуждать.
Пока твою не справят тризну,
Изволь, что можешь, рифмовать.

* * *

Ещё Берна́ру Ша́ртрскому в веке так двенадцатом
Удалось подметить, что все мы в данный час
Похожи на карликов, севших на гигантские
Плечи исполинов, живших прежде нас.

Видят великаны ведь дальше, чем мы, карлики,

Но когда пристроишься на плечах у них,
Сразу получается, наших глаз хрусталики
Могут видеть далее всех великих сих.

* * *

Цицерон говорил: «Ганнибал у ворот!»,
Но его абсолютно не слушал народ,
И пока гром не грянул, и враг не пришёл,
Говорили, что тот Цицерон – балабол.
Всем известно, что рядом, под боком,
Не бывает на свете пророков.

* * *

Чудище обло, озёрно, огромно,
Стозёвно и лаяй
Смотрит вослед – не беззлобно и томно, —
Почти не мигая.

Мозгом спинным ощущать этот взгляд ты
Ещё будешь долго.
С чудищем облым общаться вприглядку —
Стараться без толка.

Исса, сын крестьянина

О прогрессе и улитках

Об обращении Иссы к улитке тихо ползти вверх по склону

Фудзиямы, до самых высот оной.

Нам врут: не только вверх улитки

Ползут по склонам Фудзиямы —

Они порой довольно прытко,

Глупя, соскальзывают в ямы;

Крадутся перпендикулярно

Бегущей на верхá дороге.

Они – как будто биполярны,

Как есть же – просто брюхоноги.

Прогресс стал следствием ошибок

И проб – не глупого стремленья

Стай фудзиямовых улиток

Взбираться вверх до помраченья.

Навеянное Иссой

1.

Глубится ямка под струйкой мочи;

Снег у ворот.
Журчанье чуть слышно в безмолвной ночи
Песней без нот;

Снежный покров на земле неживой
Девственно чист,
Лишь у ворот он являет собой
Исписанный лист.

2.
Облетает листва с удручённого клёна,
С отвращением падая в грязь.
Беззащитно стоять будет клён обнажённый
До весны, никого не стыдась.

И когда новый лист, закружив над землёю,
Упадёт, не задев никого,
Мир, охваченный глупостью и суетою,
Не заметит паденья его.

3.
Словно проснулись сверчки и пичуги,
Луг осмелел,
Близкими стали далёкие звуки,
День посерел.

Свежесть несёт набежавшая туча,
Зной бороздя.

Как тяжела, и душна, и тягуча
Жизнь без дождя.

4.

Утром роса
Мне омоет прохладой ноги.
Врут небеса,
Что они по природе не строги.

Капли росы,
Охладив, испарятся, исчезнут.
В строках Иссы
Они горьким «И всё же...» воскреснут.

Шмели и Бунин

*На стихотворение «Последний шмель» И. А. Бунина –
несмотря ни на что, с почтением.*

1.

Может, Бунину шмель в этот день показался
Заунывно гудящей певучей струной
Потому, что Иван Алексеевич взялся
Тосковать, как положено барину в зной.

Глазки очень устали от яркого света,
Опустели поля и разросся бурьян.
Шмель уныло нажужживал арию лета, —
Был Иван Алексеич тоской обуян.

Он всё думал о том, что мечты человечьи,
Все глубины глубин не понятны шмелям,
Этим бархатным пчёлкам с янтарным оплечьем,
Не подверженным скуке и прочим соплям.

2.

Лаванда чуть ли не всё лето
Цвела, цветёт и будет цвести.
Шмелей с рассвета до рассвета

В её кустах чудных не счесть.

По-бунински золотоплечи,
Но неожиданно легки,
Они лавандовые свечи
«Окучивают» по-мужски:

Кружат и мечутся меж нежно
Благоухающих цветов
И искушают безмятежно
Руладами жужжащих слов.

И так весь день, и так всё лето —
Пока их холод не проймёт,
Шмели с рассвета до рассвета
Кружат в лаванде хоровод.

3.
Лаванда и шмели не знают
Что наступил сентябрь унылый.
Цветы цветут, шмели летают,
Золотоплечи, быстрокрылы.

В их удивительном полёте
Среди чарующих соцветий
Есть восхищающее что-то

И что пытливый мозг берedit.

Как удаётся этим пчёлам,
При их не маленьком калибре,
Массивным, толстым и тяжёлым,
Летать с изяществом колибри?

Ах, впрочем, мир прекрасен этим
Клубком загадок, белых пятен.
И лишь сентябрь за гранью лета
Вполне и ясен, и понятен.

* * *

Мы Шрёдингера кошку
В своём эксперименте
По неопределённости
Размазали слегка:
Она жива немножко
И в этом же моменте
Она – хвала мудрёности —
Немножечко мертва.

Мы так и этак мерили
Все доли вероятности,
Расхлёбывали ложкою

Квантованный расчёт.
В простой исход не верили,
И вот в научной рьяности
Открыли шкафчик с кошкою —
Там оказался кот!

* * *

Да будут ли вспоминаться-то
Когда-нибудь в пьяном загуле
Две тысячи девятнадцатого
Холодные дни июля.

Быть градусу, сколько не бейся,
Высоким по прихоти чьей-то,
А вы мне твердите про Цельсия
И какого-то там Фаренгейта.

Жара будет до исступления
При норде, норд-осте, норд-весте.
Дождёмся-таки потепления,
Но может быть, лет через двести.

* * *

Лучики солнца

в проёме окна
Издевались
над утренней тенью.
Летняя ночь
была холодна,
Несмотря
на глобальное
потепление.
Наверное,
если бы не оно,
То снег
заметал бы
в июле (!)
И это бы утро,
и это окно
С занавеской
из тонкого тюля.
Нобеля точно ещё вручат
Не раз
американским
гениям,
Которые снова
расскажут про ад
Глобального потепления.

* * *

...И в нашем радостном Эдеме,
Дарящем светлые мечты,
Исчезнет всё – развеет время
Здесь все, какие есть, следы.
Поползновения людские,
Как в пыль истлевшее тряпье,
Рассеются... Эх, энтропия —
Она такая, мать её...

Петрарковое

1.

Не всем Петраркам суждено
Воспеть в стихах свою Лауру.
И вечерами пить вино,
О деве грезя белокурой.

Продав последнее добро,
Купить чернил большую флягу,
Ломать гусиное перо
И рвать в порыве чувств бумагу.

Чтя из прелестниц городских
Свою красавицу особо,
Вкраплять в высокопарный стих
Эпитеты высокой пробы,

Описывать точёный стан
Своей красотки слогом жарким.
Но и не всем Лаурам дан
Их прославляющий Петрарка.

2. **Сонет канцоньерный**

День шёл не по плану – ярко!
Нанизывая слова,
Сонет завершал Петрарка
И полон был торжества.

На жизнь и на смерть Лауры
Написанные стихи
Звучали и живо, и хмуро,
И были весьма неплохи.

Сонеты Петрарку бодрили:
В них он и Лаура жили.
Но, Господи, благослови! —

Так трудно держаться стиля,
Когда твой объект любви
Давно уж истлел в могиле.

Алфавитный бред. Абецедарий

«А было всё гадким, древесно-еловым.
Ёж ждал зиму истово. Йогурт кислил.
Ломались мечты. Нарушались основы
Паразитических реверсных сил.

Телеметрия ужасно фонила.

Хрипела цветисто чужая шиншилла.
Щипал эквивоками Юнг яйцевидный...» —
Мой мозг воспалённый нёс бред алфавитный.

* * *

Там, где
по линованной бумаге
пишут поперёк,
Дескать, потому,
что это выглядит (!)
креативно,
«Поперечным» писателям,
по скудоумию,
невдомёк
Что это глупо,
не экологично
и не продуктивно.

Пастернаковое

1. Ода скотницам

На стихотворение “Март” Б. Л. Пастернака.

Нынче нет уже дюжих скотниц,
Что могли бы до пота гонять
Зиму с улиц, оврагов и звонниц;
Чахлый мартовский снег разжижать;

Бить сосулк кровельных тонны;
И, светя мускулистым ню,
Разгонять ручейков бессонных
Ненавязчивую болтовню;

Поднимая игриво вилы,
Тыча зубьями оных в навоз,
Вызывать у поэтов хилых
Восхищение и психоз;

Выходить из хлевов коровьих
Царской поступью – спины размять...
Чтоб Борис Леонидович мог бы
С восхищением их созерцать.

2.

«Быть знаменитым некрасиво...» —

И так возможно рассуждать,
Когда твоих стихов тетрадь
Уже заполнила архивы.

Когда твой облик знает всяк,
И даже пёс соседский знает,
Что в этом доме проживает
Поэт известный Пастернак.

А так, конечно, некрасиво
Быть знаменитым среди других
Поэтов средненьких, простых,
Когда ты выделен курсивом.

3.

Декабрь. Word открыть и плакать,
Строчить стихи свои навзрыд,
Пока дней новогодних слякоть
Весной нежданною грозит.

Нанять такси да за сто гривен
Под звук шуршания колёс
Умчаться в зиму, чтобы ливень
Так не нервировал до слёз.

Где, как обугленные туши,
С деревьев тысячи грачей
Не падают с прихлопом в лужи
И мир приятен для очей.

А здесь проталины чернеют
И талая вода бежит.
Чем мир унылей, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

Закончен стих и Word закрыт.
Порыв душевный мной излит.

Сонет полнолуния. Ну-арный

Давай повоем на Луну —
В такие дни она шикарна.
По-волчьи заунывным «У-у-у!»
Округу всполошим вульгарно.

Нарушим сон и тишину,
Поодиночке и попарно,
Объявим местную войну
Масштабов мегапланетарных.

Давай залезем на сосну,
Исполним громко и бездарно
Дуэт простой, но лучезарный

Про ту персидскую княжну,
Что в набежавшую волну
Швырнул Степан неблагодарный.

Сонет нарративный

Где-то рядом гроза, но не здесь, не сейчас —
Мы лишь слышим ее громыханье.
Значит, времени много в запасе у нас
На взаимо- и всепониманье.

Будем мыслить, всему объясненье найдя,
Будет строить свои нарративы...
...До того, как холодные струи дождя,
Не внесут в бытие коррективы;

До того, как пугающий грохот грозы
Не пробудит забытые страхи
Про грехи; про фатальные Божьи часы;
Про грядущие маты и шахи;

Про прилёт популярных сейчас лебедей,

Было нужно так
                                в замках воздушных,
Чтобы шхуны,
                                что нам
  в управленье даны,
Добирались
                                до гаваней
  нужных.

* * *

Наверно, скучно на Олимпе.
От сотворенья дней святых
Все обладательницы нимбов
И обладатели же их,

А также прочие сидельцы
У тронов нимбоносных лиц,
Плетения интриг умельцы
И либреттисты небылиц, —

Все эти «чудные» созданья
Поперегрызлись столько раз,
Что скука их существованье
Зацементировала с тщаньем
Пластичных эпоксидных масс.

И броуновское движенье
Интриг, подстав и окаянств
Среди Олимпа населенья
В конце концов ушло в забвеньё
Глубин аидовых пространств.

Пассионарность близорука,
И даже божие дела
Сумеет размолоть дотла...
Сильны, непобедимы скука
И эпоксидная смола.

* * *

Какое дивное творенье —
Картина Шишкина «Дубы».
Так передать переплетенье
Резной, причудливой листвы,

Теней ажурных паутинку
В морщинистых стволах дерев
И света лёгкую грустинку,
Как нежный девичий напев.

Весь образ шишкинской дубравы,

Что будто сотворён волшебной, —
Он и простой, и величавый,
Но не картинный, а живой.

* * *

У молодых поэтов чувства
Сильнее звонких рифм и ритма.
Для них как ложе от Прокруста —
Правописания энигма.

Зачем им синтаксис, когда их
«Быть или не быть...» сомнением гложет?
Они поэты – пусть прозаик
Себя лингвистикой кукожит.

Для них все ямбы и хорей,
Анапест, дактиль – словоблудье.
Они заняли эмпирей,
Где нет любви, а есть безлюбье.

Но верим: опыт, сын ошибок,
Придя со временем бесценным,
Избавит от полуулыбок
Над их стихом несовершенным.

Стих зазвонит, как песни скальдов,
Лучистым, живописным словом.
А новый Пушкин скажет: «Ай, да
Я сукин сын в венке лавровом!»

* * *

Иногда напишешь так,
Что и сам
Восхитишься этим, как
Чудесам.

И откуда это всё
У меня?
Стихоплётство, то да сё,
Вся фигня.

Так изящно иногда
Изложу,
Что заплещет красота
За межу.

Но порою свой успех
Повторить
Невозможно как на грех!
Как тут быть?

Коль придумать я бы смог
    Стихомер,
Им оценивал бы слог
    И размер.

И тогда бы каждый стих
    И сонет
Были б слаще дорогих
    Мне конфет

И вкуснее бы, чем в доль-
    ках арбуз.
А пока оценка толь-
    ко на вкус.

Для красот стихов аршин
    Не найдёшь.
Я – не Пушкин-сукин сын,
    Но – хорош!

Полишинель

Он зудел, заикаясь, стараясь
Донести эпохальную весть.
Дескать, тайна сия велика есть,

Если только – воцце! – она есть.

Пикассовое

1.

Ах, как две наших сущности —
в принципе разные,
Плотно схвачены временем
в нечто одно:
Тошно-сочное, яркое —
и слегка несуразное,
Как «Алжирские женщины»
версии О.

2.

Нам не нужно быть в Гернике,
Нам достаточно Горловки.
И «Алжирские женщины»
Даже версии О
Не годятся в соперники
Фрескам горловским огненным,
Что войною зловещею
Жглись на стенах домов.

* * *

Престранный мир, где каждый человек
Готов скрутиться в жгут противоречий
И стать для Чеховых, Толстых, Лопе де Вег
Прообразом их злободневных скетчей;

Готов и на словах, и на мечях
Он выйти победителем из спора.
А мальчики кровавые в глазах
Проявятся... Но вряд ли очень скоро.

* * *

Наш выбор сделан. Мы, надеюсь,
Не буридановы ослы,
И выберем, не канителясь...
Хоть муки выбора милы.

Милы иллюзией, что можем
Мы выбором своим сменить
Процесс с названьем «Лезть из кожи
Вон» – на процесс с названьем «Жить».

* * *

С молодых годов был равнодушный
К навозной сущности побед

Тот самый Авгий, чьи конюшни
Не очищались тридцать лет.

Дух разлагающейся плоти
Его нимало не мутил,
А даже возбуждал и вроде,
Вы не поверите, пьянил.

* * *

Я исполнен пустого апломба,
Я рисуюсь немного, читая
Книгу тонких новелл Ляо Чжая,
Как интеллектуальную бомбу.
Как интеллектуальный феномен
Я ту книгу небрежно листаю...
В том, что рядом никто Ляо Чжая
Знать не знает, – уж я не виновен.

* * *

На Земле мы одни
На все восемь её миллиардов.
Так не будем же ни
Сожалеть, ни искать вариантов,
В коих наша судьба

Нас пронесит мимо макушки
Надземного столпа,
На который вознес себя Пушкин.

* * *

Избавь меня, Господи, от сомнений;
Сделай жизнь мою, Господи, тихой и ровной;
Излечи от терзающих размышлений
О ненужности нашей пустословной.

Дай зренье мне, Господи, да такое,
Чтоб в жизни жестокой и несправедливой,
Узреть проявленье Твое всеблагое
К нам, недостойным и суетливым.

* * *

Когда б поэтов щедро награждали
Дензнаками за их общенье с Музой,
Они бы как тогда живописали
Суть бытия – с желаньем иль обузой?

Ведь их монетизация принудит
Творить в созвучье лишь с монетным звоном.
От лишней денежки поэта не убудет,

Но зазвучит ли он в созвучье оном?

* * *

Не зря, наверно, Тот, Кто создал
Галактик яркие спирали
Нас отдалил от них и звёзды
Сместил в немыслимые дали.

Всё для того, чтоб наши цели
Познать вселенские соцветья
Мы с вами сохранить сумели
На многие тысячелетья.

* * *

Начитавшись с утра Маяковского, сидя в туалете,
Выхожу, заряженный его бешено рваным ритмом:
Хочется вывернуть всё наизнанку на этом свете,
Поставить с ног на голову, выйти на смертную битву.

Сердце от чувств этих давит резиновым мячиком,
В мир нервно вливаюсь расширенным глазом я.
Берегитесь, буржуи, питающиеся рябчиками
И зажёвывающие их (блин!) ананасами.

* * *

Его пророческие мантры,
Как и вещания Кассандры,
Не принимались и не шли
На пользу жителям Земли.
Ведь, как известно, у пророка
В своём отечестве без срока
Лицензии пророчить нет.
Такой вот эксцентриситет.

* * *

Чудище обло, озорно, огромно,
Стозёвно и ла́яй
Смотрит вослед – не беззлобно и томно, —
Почти не мигая.

Мозгом спинным ощущать этот взгляд ты
Ещё будешь долго.
С чудищем облым общаться вприглядку —
Стараться без толка.

* * *

Это вам не это,

Это вам не то.
К нам спешит с приветом
Серый конь в пальто.
За конём тем рифма
Из Караганды.
Подожди-ка, нимфа,
Отдохнёшь и ты.

* * *

Он побледнел, затем, как будто
Чуть отойдя от тошноты,
Меня назвал зачем-то Брутом
Добавив вялое «И ты...»

Но мне такая антитеза
Казалось ложной. Убеждён,
Что это я сражённый Цезарь,
А Брут, прошу прощенья, – он! :)

* * *

За детьми того декабря
Дитю января – трудно.
Оно будто дышит зря
И всхлипывает простудно;

Оно – никудашный актёр,
Хоть паузу тянет дольше.
Ему не доступен флёр
Снов, что о чём-то большем.

* * *

Ночами душевная муть
Становится шире и скольже,
А хочется просто уснуть,
Не думать о чём-то большем.

И хочется не считать
Баранов, овец, полудурков.
Зло хочется обругать
Морфеевых сна драматургов.

* * *

«Иллюзию радости дарит вино», –
Такую неглупую фразу
Я где-то читал (и не так уж давно),
Но с ней не согласен мой разум.

Хорошие вина раскроют в душе
Все те закоулки, что скрыты

Унылостью будней, сокрыв неглиже
Иллюзии жизни избитой.

* * *

Как Диогену помогая,
Со свечкою при свете дня
Людей искал, судьбу кляня
И чьи-то души поминая.

Не ради славы ведь старался —
Не ради веры в божество.
...И от того вконец остался,
Как Диоген, без ничего.

* * *

За чан похлёбки чечевичной,
Вина бочоночек приличный,
За раболепье прилипал
Я б первородство не продал.

Ещё не найден тот Иаков,
Которому б я мог, однако,
Продать себя по метражу...
Поскольку цену не сложу.

* * *

Маленький принц, утончённый, но действительно вялый:

Тот самый – Экзюпери,

А рядом другой – по-ЕгорЛетовски разудалый

И матерный изнутри.

Трогают оба, по-своему, но равновесно,

Пусть разные струны души.

Оба они уникальны и интересны,

И оба они хороши.

Околовиннипуховое

1.

Да будь медведи пчёлами,
Они бы вечерами
Жужжали б невесёлыми
Медвежьими басами.

Разрушили б симпатию
К себе подобным хором,
Загнав лесную братию
По дуплам и по норам.

2.

Что ж грозным медведям стыдиться?
Что въедливым пчёлам париться?
Никто ведь не усомнится
В их праве кусаться и жалиться.

По-всякому может случиться
В медвежье-пчелиной подмене.
Но мёдом придётся делиться:
Так принято в сей Ойкумене.

3.

Леонов бесподобен,
Евойную игру
Ни Кристофер наш Робин,
Ни Тигра с Кенгой Ру
Ни в жисть не переВиннят
И не переПушат.
Никто уже не Милнет
Подобных медвежат.

4.

Скольких бы Пухов, до славы охочих,
Уолт Дисней не раскручивал,
Наш Винни-Пух виннипушнее прочих,
Ибо Леонов озвучивал.

* * *

Трёхглавому псу жить, увы, нелегко,
Ведь головы часто в раздоре.
А как стоголовое существо?
Что, через соцсети спорит?

Попроще сообществу, коль рассудить,
Многозмееголовой Гидры:
Там змеи едины в готовности лить

Соседкам отравы литры.

* * *

Тем клёво, кто над пропастью во ржи,
Тем хуже, кто над пропастью с камнями.
Для первых мир их ярок, хоть и лжив,
А для вторых – он тоже лжив, но сами

Его цвета угрюмы и серы.
Но, как и золотящееся поле,
Он требует, чтоб игры детворы
И в нём стерёг хоть кто-то, грел и холил.

* * *

Смерть вероятнее жизни. И
От парадокса Фёрми
Хочется выть, оскорблять и бранить
Всех в этой пыльной таверне.

Где эти братья по разуму, где?
С кем допивать мне пиво?
Только талдычить о Караганде
Не стоит – и так тоскливо.

* * *

Отец небесный, да святится Имя,
С Которым на земле наступит царство,
Твоя где воля встанет над другими;
Дай хлеб насущный, не нужны нам яства;

Прости долги нам, как прощаем сами
Мы должников своих открытыми сердцами;
Не искушай, избавь от всех лукавых;
Пусть в царствии Твоём пребудет слава.
Аминь.

Еккл. 1, 9-10

...Нам сказано: что было, то и будет,
Что делалось, то сделается вновь —
Нет нового под солнцем! Если ж люди
Укажут вам на что-то: вот-де новь! —
Не верьте им, всё ранее случалось
В седых веках, что были прежде нас.

Нет нового под солнцем? Что ж, осталось
Искать другие солнца в этот раз.

* * *

Если жизнь своими тарифами
И невзгодами разнедужится,
Если думы запенятся рифмами
И идеи размытые вскружатся, —

Сочиняй, не похлопывай ушками,
Коль уж мысль биением взболтана.
Ведь у каждого третьего Пушкина
Быть должно своё истое Болдино.

* * *

Да, не Ассолы мы, к нам не плывут
Алые паруса,
Нашему прЫнцу вполне подойдут
Белые – за глаза.

Пусть даже серые – только б приплыл
В лунную-лунную ночь.
Бог не Ассями нас сотворил,
Пусть, но без прЫнцев невмочь.

* * *

Зайку бросила хозяйка...
Агния Барто.

Всех заек на свете бросают хозяйки,
Хозяйки ведь быстро растут.
И что остаётся разлюбленным зайкам?
Сидят и хозяйшек ждут.

А вдруг они вспомнят, а вдруг не забыли,
Не разлюбили – а вдруг!
Надеются, ждут, покрываются пылью...
Теперь только пыль зайкин друг.

Троллизм-торквемадизм

1. Сонет торквемадный

Мой товарищ Торквемада —
Предобрейшая душа.
Он из всех концепций ада
Принял ту, что хороша.

Там всё просто: эмпиреи
Рая – только для него.
Остальным же, без затей —
Ада злое естество.

Два пути: ему и прочим, —
Зори дня и темень ночи
Он прихватизировал.

Дантовское многокружье
Он с наивным прямодушьем
Сминимализировал.

2.

Трудно управиться

С тонной валежника,
Коей собрались мы
Грешников жечь.

На каждого праведника —
Тысячи грешников.
Эх, позабудемся!..
Словесно сиречь...

* * *

В грустных мыслях о Страшном суде
Ощущается неуют.
Подскажите, пожалуйста, где
Индульгенции раздают?

*@morning_swallow с благодарностью
за данную мысль*

Ох, хлеб и зрелища будут желанны всегда,
И эти желания – тоже из категории вечных.
Даже занимая в вечных самолётах места,
Направляясь в вечную Касабланку или ещё куда,
Жаждать народ будет хлеба и зрелищ беспечных.
Не помогут ни светлые радости, ни яркая красота.
Схема счастья известна тысячелетия и проста:
Зрелища, хлеб, рабы... и пара заводиков свечных.

* * *

Я на качелях. Небо, сосны
То вниз летят, то вверх взлетают.
Стишок какой-то несерьёзный
Мой мозг из строчек собирает.

Рифмуются прохлада ночи,
Молчанье звёзд, сомненья ветра...
Как будто был уполномочен
Я Кем-то, Кто всемогущ очень,
Метафорами сыпать щедро

И собирать искринки мыслей
В опалоцветные созвездья,
Неся их, словно в коромысле,
С блаженной, но благою вестью.

Но, постепенно замирая,
Утихомирились качели,
И вся восторженность благая,
Некрепкая, полусырая,
Исчезла, как снега в апреле.
И рифмы напрочь улетели.

* * *

Ананасы и рябчики с водкой в кафе,
Ананасы в шампанском ли
Не предложат испить Маяковский В.
И гордец Северянин И.
На дорогу не выйду, как Лермонтов М.
Как Руслан у Пушкина А.
Не взлечу к небесам над своим бытием,
Не по статусу мне небеса.
Не смогу, словно Гиппиус З., изливать,
Рифмовать, как Асадов Э.
Только радость творить и слова рифмовать
Хороша сама по себе.

* * *

Ты могла бы со мной говорить лишь гекzáметром ровным,
Вместо матов-блинов обезличивать спичи цезурой,
Даже больше: «отнюдь» говорить с предыханьем альков-
ным,

Водку пить, отставляя мизинчик изящно и выглядя душой.

Ты в дорийском хитоне могла бы по дому слоняться уста-
ло,

Закрутив свои волосы в хитро-безумной прическе гетеры,

Но «отнюдей» и водки с отставленным пальчиком мало,
Чтобы Та́ис Афинской постичь политес и манеры.

Перевод с английского. Уильям Строд. На жизнь человека

Что наша жизнь? Игра страстей, котёл,
И наша радость – ноты разобщенья
Из чрева матери, из ульев сонных пчёл,
Из крошечных комедий безвременья:

Земля – театр, небесный театрал,
Скучая, бдит, кто бьётся, кто торгует.
Могила скроет нас от солнечных зеркал —
Игра ничьей закончится впустую.

* * *

Прекрасен и неуловим
Небесный Иерусалим,
Блестает горним хрусталём,
Пылает трепетным огнём.

Мой путь к нему и кос и крив,
Но я иду, пока я жив,
Хоть он далёк и невидим,

Небесный Иерусалим.

* * *

Легко не знать, что будет завтра,
Не видеть точек бифуркаций.
Овсянку с фруктами на завтрак
Есть до овсяночных мутаций.

А антропологи вещают
(И Дробышевский подтвердит то):
Мозг человеческий теряет
Брутто-размеры-габариты.

Не говоря о предках наших,
Мозг даже у неандертальцев
Побольше был, чем есть – у кашей
Себя харчующих страдальцев.

Чем человек сумеет встретить
Возможных бедствий наступленье?
Природа может ведь ответить
На наше к ней пренебреженье.

Ведь если вдруг нахлынут стаи
Из чёрных лебедей неожиданных,

Мозг кашеедов враз растает,
Растёкшись месивом овсяным.

P.S. Жри авокадо и ешь курагу,
Мясо и сало оставишь врагу!

* * *

Покойся с миром, брат-неандерталец,
Увы, твой век был буен, но недолог.
Тебя найдут, и долу вздымет палец
Какой-то бородатый антрополог.

Воскликнет: «Ах, чудесная сохранность,
Какая челюсть, ах, какие дуги!»
Да, брат-неандерталец, это данность —
Всего себя отдать для благ науки.

* * *

Бледно-кисельным туманом
Заволокло всю округу.
Сыростью, как дурманом,
Пространство ужалось туго.

Мир потерял воздушность,

Его загребла лениво
Влажно-туманная сущность,
Некий субстрат депрессива.

Кажется, будет сыро
Вечность и суше не станет.
Кажется, ёжики мира
Все как один в тумане.

Сонет украинский (от Пушкина)

Прости, украинский мудрец,
Что я по глупости упорной
Суть подменяю яркой формой
И льщу себе, что я творец.

Прости за то, что не боец,
За то, что с силою задорной
Я с мельницею иллюзорной
Не бьюсь, как Дон Кихот-храбрец.

Что интонацией минорной
Звучанье строчки стихотворной
Я порчу, как неловкий чтец.

За то, что о проблеме спорной

Сужу с уверенностью вздорной,
Прости украинский мудрец.

Мрачные осенние размышления перед сном

Иные мы, иные люди,
Иные страны, города...
А вот планет иных не будет —
Для нас не будет – никогда.
Не вся доступна «инота»:

Не будет новых измерений,
Иных вселенных и миров...
Хотя, возможно, некий гений
Через пару-тройчатку веков
Сорвёт с вселенских тайн покров...

Но мы уже к тому моменту,
Забыв о притяженье звёзд,
Все как Танатоса клиенты,
Былой эпохи рудименты,
Отчалим строим на погост.

А там иные наши взгляды,
Идеи, замыслы, мечты
Куском блестящим рафинада

Истают быстро, как и надо
Под едким действием воды.
И всей кладбищенской среды.

О, чёрт возьми, какие думы
Порой неумный мозг гнетут,
Как шквал пустынного самума,
Успокоенья не дают.
Уснуть теперь – напрасный труд.

P.S.

Откуда выйдем мы, куда мы, блин, придём?
Домчимся, долетим или доедем?
Прямой дорогой или обходным путём
Через червоточину в пространственном клозете?

* * *

Не пойму: я стою на земле
У подножия звёздного неба?
Иль небесного свода желе
Стало твердю, где я ещё не был?

С ног на голову перевернуть
Мир в сознании суетном просто:
Стоит лишь по-другому взглянуть

На мерцанье плантации звёздной.

И представить себе, что они,
Непонятные точки света —
Разноцветье мерцаний – сродни
Искрам в ясной поэзии Фета.

Что они как основа основ,
Как начало начал – наши корни,
Обещающие любовь
С указанием дороги в град горний...

...Что-то словно случилось со мной,
Мысли как бы сорвались с опорок.
Нужно срочно мотнуть головой
И отбросить чарующий морок.

Ах, ну да... я же в мокрой траве,
После денных забот тренируюсь,
Замер, стоя на голове,
Вверх тормашками, – небом люблюсь.

Байрон. ПАМЯТЬ

Свершилось! Видел то во сне:
Надежды луч не светит мне;

Чреду немногих славных дней
Порыв несчастий охладил
И тёмным облаком накрыл.
Любовь, Надежда, Радость, – эй! –
Прощайтесь с Памятью моей.

1806

* * *

Выхожу один я на дорогу;

Сквозь туман кремнистый

путь блестит;

Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,

И звезда с звездою говорит.

М. Ю. Лермонтов

Нынче трудно выйти на дорогу
Одному, да так, чтоб сквозь туман
Путь кремнистый, устремлённый к Богу,
Был бы как пустынный автобан.

Все кремнистые, асфальтовые трассы,
Зимники, грунтовки, большаки
Транспортом загружены всечасно:
Шумы, выхлопы, жужжание, гудки.

Блеском фар засвеченное небо —
Как звезда с звездой говорит,
Мы не слышим: мы глухи и слепы.
Мир не внемлет Богу, а шумит...

* * *

*...Ах, и сам я нынче чтой-то стал
нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.
Там вон встретил вербу, там сосну
приметил,*

*Распевал им песни под метель о лете.
Сам себе казался я таким же клёном,
Только не опавшим, а вовсю зелёным.
И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал берёзку.
С. Есенин*

Берёзе трудно понимать
Есенинскую грусть.
Зачем принялся он читать
Стишки ей наизусть?

Зачем разносит перегар,
Витийствуя с утра?

И страсти распалает жар,
Когда кругом хандра.

Зачем к тому ж, подлец такой,
Обняв её (ой-вей!)
Своей распутною строкой
Глаголет не о ней?

А вспоминает некий клён,
Какую-то сосну,
И вербу вспоминает он,
А может, не одну.

Ах, как же, Серж, распутен ты,
Обидно, аж до слёз.
Не ценишь чистой красоты
Разнеженных берёз.

* * *

*Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!
Вместо шапки на ходу
Он надел сковороду.
С. Я. Маршак*

Вместо шапки на ходу
Надевать сковороду
Нелегко и неудобно,
Глупо, неправдоподобно.
Как её там закреплять?
Будет с головы съезжать.

Будет ручка сковородки
Колотить по подбородку,
А потом, уйдя в полёт,
С головы его падёт
И, скользнувши по дуге,
Больно стукнет по ноге.

Если ж глянуть по-другому,
То приветствовать знакомых
Сковородкою сподручней:
У неё в наличье ручка —
Ею проще «шляпу» снять
И с почтеньем приподнять,
Говоря друзьям «Бонжур!»

Вот такой родился сюр
В честь вошедшего в века
Самуила Маршака.

Джером – тот, кто Клапка Джером
С Уильямом нашим Шекспиром
Затеяли диспут о том,
Что более ценится миром.

Хваля век шестнадцатый, Билл
К семнадцатому был хладен.
Он в первом родился, почил —
Увы, во втором, будь неладен.

Джером девятнадцатый век
Нахваливал, только сухо
Отметил: тогда человек
Жил лучше, но беден был духом.

Узнав про двадцатый и наш
Двадцать первый, два автора сразу
Решили, что местный типаж
В духовность не верит ни разу.

Был твёрдым джеромовский взгляд,
Сурова Шекспира прищурость.
Вот взять и отправить бы в сад
Всю надтолерантную дурость.

* * *

Порою кажется, Небесный Господин
Создал сей мир (и думать-то неловко)
Лишь для того, чтоб полчища машин
Съезжались пообщаться в пробках.

Венцы творенья здесь не мы – они,
Для них всё это: нефть, конфликты, войны,
Прогресс – тысячелетия возни
Нас, человек, слуг их недостойных.

Для них наш телерадиоугар,
Всё то, что в мозг наш тараканом влезло:
Инет, реклама, мёркетинг, пиар
И миф, что-де экологична тесла.

Уже не кажется: Небесный Господин
Действительно создал наш мир неловкий
Лишь для того, чтоб полчища машин
Съезжались пообщаться в пробках.

Сонет ньюартный

Да будь я трижды цесаревичем,

Обученным любить гуано,
Работы новых нью-Малевичей
Воспринимал бы... негуманно.

Все пятна, кляксы и квадраты их,
Накреативленные пусто,
Подходят лишь для завсегдатаев
Дней современного искусства.

А нам, отнюдь не цесаревичам,
Понятней не труды мартышкины
От бесталанных нью-Малевичей,
А Айвазовские и Шишкины.

Нелепо с голыми нью арта королями
Вести дискуссию о вкусо-цветной гамме.

Сонет миссионерский

*Сочинение стихов ближе
к богослужению, чем обычно полагают.*

Анатолий Франс

А в этом точно что-то есть!
И я порою рифмой дерзкой
Несу в народ благовую весть
С наивностью миссионерской.

Пытаюсь ровным строем слов
И ритмикой стихотворенья
Представить счастье и любовь
Основой миропостроенья.

Но ограниченность моя,
Набор мой скудный мыслей жалких

Не открывают бытия
Для смыслов проповедей жарких.

Увы, не проповедник я —
А так, любимец муз неярких.

* * *

*Горят перламутром в отливах тумана,
На всём бесконечная грусть увяданья
Осенних и медных тонов Тициана.
Максимилиан Волошин*

Венеция – тоска и сырость!
Не смог бы даже Тициан
Своею кистью скрыть унылость,
Её дурманящий обман,

Её мостков старинных узость,
Бессилье, плесени печать,
Домов облезлых заскорузлость,
Вода, уставшая влюблять.

Гандолокружие без меры —
Подгнивших суден хит-парад.
И кстати, как те гондольеры
Картошку в погребах хранят?

* * *

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда.
Анна Ахматова*

Хорошо, что нет камина...
Хорошо, что не бумаге
Доверяю самочинно
Зарифмованные саги.

Я б по-гоголевски нервно
Выжигал тома вторые
«Мёртвых душ», когда том первый
Расхвалили бы витии.

Все рассказы о каких-то
Рукописях не горящих —
Несомненные реликты
Эр, навеки уходящих.

Всё горит. Но гигабайты
Строк сырых, плохих, говёных
Сети, облака и сайты
Охранят от действий стрёмных.

Не для вечности, а просто,
Чтоб, взглянув на них чрез время,
Почерпнуть из их коросты
Хоть какую-то идею.

И сверстать с тупым блаженством
Новый стих из мыслей каши.
Ибо часто совершенство
Прорастает из какашек.

Сонет стальной

На Сонет Зинаиды Гиппиус

А я страшусь прикосновенье стали.
Не только потому, что холодно.
Оно острб, как новые печали,

Когда забыты старые давно.
И даже кольца жизни – те, что сжали
Мою упитанную шею столь давно
И душат медленно – опаснее не стали,
Чем стали ледяное полотно.

Что кольца? Дольше жизни не удушат.
А вот ножу на жизни все плевать.
Он холоден и скор. И он нарушит
Любых печалей вялую печать.
Он с бледным умираньем дня не дружит,
Умеет лишь разить и поражать.

Где-то в Мессинском проливе между Сицилией и Калабрией примерно в начале XII века до н.э.

Одиссей сын Лаërта

Меж Сциллою и Харибдою – неплохо,
Пока надежда мой питает дух.
Вода бурлит, вскипает суматоха
От вида этих чудищ-потаскух.

Ну, да – страшны! Ну, да – многоголовы!
И да – меж ними можно не пройти!
Бьёт через край по жилам нездоровым
Адреналина с кровью ассорти.

Меч наголо, пусть разум возбуждённый
Ещё зовёт корабль развернуть.
Но хрен им в глотку, чудищам зловонным,
Идём в атаку, в лоб, а там уж будь,
Как...

Одна из голов Сциллы, дочери Форкиса (с сожалением)

Опять плывут, упорные созданыя!
Им нечем что ли там себя занять?
Нам не дают красоты мироздания
Спокойно и неспешно созерцать.

Я только в суть экзистенциализма,
Мне показалось, начала вникать,
А тут они! И путанные мысли
Опять придётся в кучу собирать.

Опять придётся рыться в манускриптах,
Дышать их пылью древней допоздна...
Пристукни-ка их ты, сестра Харибда,
Особенно того вон крикуна.

Харибда, дочь Посейдона
Ну, всё, крикун! Теперь тебе хана!

* * *

Жизнь важней, чем подвалы червонцев.
Позабыв о заботах и грузах,
Мы «идём правее – на солнце,
Вдоль рядов кукурузы».

* * *

Не верьте, чувства могут лгать,
Но мы, как Пушкин, часто рады
Обманываться, принимать
Обман за райскую усладу.

* * *

Будем к похвалам прохладны.
Если что, напьёмся брома.
Нагомерим «Илиад» мы
Тридцать три огромных тома.
Эта тема нам знакома.

Будем творческие планы
«Одиссеей» тешить новой.
Мы – крутые графоманы,
Мы – нагромоздим такого!
Вы нам только давайте слово!

Баллада о неТристане и неИзольде

Он не Тристан и не Изольда
Она, но так устроен мир,
Что ими куплен за три сольдо,
Как простокваша и кефир,
Любви желанной эликсир.

Ну, пусть не эликсир, а зелье
Из волчьих ягод и грибов,
Что намешала им с похмелья,
Бурча от беспокойства снов,
Ведунья, спутница волхвов.

Название – это точка зренья:
Как этот яд не назови,
Он принесёт не просветленье
И яркость мироощущенья,
А помутненье от любви.

Зря распалится неИзольда,
Разухарится неТристан,
Мол, бездна мегаватт и вольтов
Подпитывает их роман,

И он кипит, как адский чан.

Любовь – неписанное диво,
Но и неожиданная слеза,
Взовьётся пламенем игривым
И, как гневливая гроза,
Сожжёт напалмом небеса.

И оживятся либреттисты,
Готовясь перезаписать
Сюжет для оперы искристой,
Где страсти будут бушевать,
Людские души возбуждать.

Где вновь Изольды и Тристаны
Сгорят в огне своей любви.
Красиво, ярко, живо, рьяно,
До помутнения в крови,
С дыханьем смерти визави.

Но будет винный сок веселья
Испит, оставив влажный жмых.
Ведь как известно, это зелье —
При прочих замыслах иных —
Предназначалось не для них.

Узнают вскоре человеки
Из сёля социальных лент,
Как вдрызг рассорились навеки
(До новогреческих календ)
Изольда и её бойфренд.

Начнут сварливые соседки
Месить их грязное бельё
И осуждать за три монетки,
Потраченные на питьё,
А не крутое бытиё.

Что ждали-де от дешевизны?
Любви длиною в пару дней?
Хоть и такая страсть по жизни
Бесстрастья хладного ценней,
Приятней, но не мудреней.

И стоит ради суток этих,
Их сорока восьми часов,
Отдать почти что всё на свете
За краткострастную любовь,
Лупя тоску не в глаз, но в бровь.

Любовь – пусть даже за копейки —
Не хуже той, что за мильон,

Согреет лучше телогрейки,
Надушит, как одеколон,
И... вознесёт на счастья трон.

Опять взбодрятся либреттисты:
Ну, вот – короткая, но страсть!
Напишем опус многолистый,
Награфоманимся мы всласть,
А там... Но всё легло не в масть.

Трагизма нет. А без трагизма
Строчить сценарий не с руки.
Нет в их любви ни драматизма,
Ни некой роковой тоски,
Что каждой барышне близки.

Ведь неТристан и неИзольда
От расставанья не умрут.
Найдут эксфренды снова сольдо,
По всем сусекам наскребут
И вновь – за зельем побегут.

И вновь – нетрезвая колдунья
Наколмутит им питья,
И вновь – вернут на полнолунье
При свете ночи, свете дня

Они всё краски бытия.

Их цикл любви начнётся снова!
Амуров бесконечный ряд
Не сможет в каждом цикле новом
Новейшей эдды тешить словом,
Как тыщу триста лет назад.

О мелочах не пишут пьесы,
Не тиснут мелочи в роман.
Отправят либреттисты к бесу
Пустой концептуальный план,
Засев с друзьями за кальян.

Не будет оперы обычной,
И мыльной опере не быть:
Ведь на любви непоэтичной
Нельзя капусты нарубить.
Да что об этом говорить?

А мы – с язвительной ноткой —
Могли б такой вопрос ввернуть:
Зачем всё это? Можно водкой
Иль граппою какой-нибудь
Любовь на пару дней вернуть.

Зачем трусить мошною с сольюдо,
Коль можно водочки купить
И неТристану, неИзольде
Пить и любить, любить и пить,
Обычным кратким счастьем жить.

Не зря ведь мудрая ведунья
Всегда до белочек пьяна —
От новолунья к новолунью,
С рассветных грёз до мрака сна
В любовь она погружена.

И мы до уровня Джульетты
С Ромео вознесёмся вновь,
Опишем сотнею либретто
Благословенную любовь,
Придумаем и страсть и кровь.

Дадим возможность современным
Изольдам и Тристанам шанс
Продлить свой род – и с зельем пенным
Иль с водкой – слившись в резонанс,
Войти в амурно-сладкий транс.

Любите, скажем, неИзольдам
И неТристанам – в добрый путь!

Вам государство ваши сольдо
Сполна обязано вернуть.
Любите – только в этом суть.

А либреттисты-сценаристы
Нам и из этого сырья
Напишут опус неказистый —
Не без волшебного питья.
Пойду за граппою и я...

P.S. Граждане, все на борьбу с отрицательной демографией!

Рэп маленьких гиппопотамов

Очень удивителен в урчании тамтама
Резвый танец ма-а-аленьких гиппопотамов.
Это вам не пляска минилебедей,
Это Гёте круче, Щелкунчика бодрей.

Милые движения – на каждых три прихлопа
Сейсмической волною доходят два притопа.
Двигутся с усердием всё резче и быстрее.
Это Гёте круче, Щелкунчика бодрей.

Чувствуем, что скоро нам спастись не будет шанса,

Земля с гиппопотамами сольётся в резонансе,
Но мы не убегаем, здесь явно веселей,
Это Гёте круче, Щелкунчика бодрей.

Танец бегемотиков шагает по планете
И в него вливаются и взрослые и дети.
Так что резонанс грозит уже вселенной всей.
Это Гёте круче, Щелкунчика бодрей.

* * *

*Так жить нельзя! В разумности притворной,
С тоской в душе и холодом в крови,
Без юности, без веры животворной,
Без жгучих мук и счастья любви,
Без тихих слез и громкого веселья...*

А. А. Голенщев-Кутузов

Так жить нельзя! О том всё время думать,
Как жить нельзя, а как, возможно, лязя.
Не пить вина с кумой и водки с кумом,
Искать повсюду смыслы бытия.
А их нам не найти без питья...

Так жить нельзя! За мудростью гоняться,
На сто ходов просчитывать шаги.
Любовью лишь как мукой наслаждаться

И млеть от безответности тоски,
Не видя счастья благостной руки.

Так жить нельзя! Без слёз и без веселья,
Но правильно – дни жизни проводить.
Не мчаться в танце с грацией газельей,
А грациозно свой баланс сводить,
И звон монетный больше дев любить.

Так жить нельзя! А как быть лзя, не знаю.
Но думаю, что подводить баланс
Возможно, даже водку потребляя
И дамам напеваючи романс,
Пиша с друзьями пульку в преферанс.

Так жить нельзя! Тоску в душе и холод
Расчётливости стоит согреть
Уразумением, что дух наш молод,
Пока душа желает танцевать...
Берусь сейчас всё это подсчитать.

Козее

*Слушай, дурень, перестань
Есть хозяйскую герань...*

Маршак С.Я. Кошкин дом

Коза

Слушай, дурень, перестань
Всё делить на инь и янь.
Вставь хотя бы серый цвет
В чёрно-белый винегрет.
Скомкай лист, придай объём,
Пусть бумажный этот ком
Обретёт эффект 3D,
Как Памелы декольте.

Козел

Там же было про герань,
Не про инь и не про янь.
Ишь как, козочка моя,
Нынче торкнуло тебя.

* * *

Не каждому Дантесу удаётся
В истории остаться Геростратом,
Став душегубцем, оставаясь гадом,
Задув поэзии российской солнце.

Соавтор пасквилей, что никого не красит,
Заезжий неуч, прихвостень бесовский.
К тому же утверждают, что и вовсе
Дантес в момент дуэли был в кирасе.

Разверзлись ли пред ним ворота ада,
Пред этим воплощеньем Герострата?
Для нас не важно знание об этом,
Но он виновен в гибели поэта.

* * *

Не стоит идти на принцип,
Тупой, как старый автобус,
Не будучи датским принцем
В забытом театре «Глобус».

Пора продвигать Шекспира
По принципу Гамлет – не Гамлет,
А как отражение мира
Нынешнего – мямля.

Горацио пусть с Марселло
Пробаттлятся ненормативно.
Офелия – будет Офелий,
А Йорик не бедный – противный.

И Розенкранц с Гильденстерном
Пусть будут любовной парой,
Лаэрт – не будет Лаэртом,

Полоний – паскудой старой.

Гертруда отравит супруга,
Не Клавдий – он будет хорошим,
Для Гамлета славным другом,
Таким же, как он, мямлекожим.

И все пусть по ходу сюжета
Тусуются голозадо.
А что? Нынче принято это,
И публика будет рада.

В такой постановке пьеса
Примером станет для многих —
Назначьте рулить процессом
Серебренниковых убогих.

Сонет негениальный

Говорят, что ценить поэта
Может тот, кто все (!) его строки
Прочитал, оценил, приветил
И переварил – не строго.

Каждый вздох-де поэта важен,
Каждый всхлип под развесистой клюквой.

Только вряд ли кто Пушкина даже
Прочитал до последней буквы.

Что ж теперь Александр Сергеич
Будет вечно неоценённым,
Ибо кем-то – до апогея —
Он останется недопрочтённым?

Верю, можно делится мнением,
Что кого-то считаешь не гением.

Сонет пост-постмодерновый

Память наша – палимпсест,
Где поверх слоёв затёртых
Нарастает новый текст
Знаний жидких вместо твёрдых.

Иль разжиженных скорей
Постмодерна безвременьем,
Где дизайн пустой важней
Обладания уменьем.

Где базар пустой а-ля
Илон Маск – народом чтится.
Где ничтожнее нуля

Значимая единица.

Где за гранью постмодерна
Ждут начало предынферно.

Сонет джонпристлиевский

Нам здешнее не интересно.
Прикормленные богами,
Мы ищем другое место.
Какое, не знаем сами.

В подлunii менее горшем,
Где чаще ищут простое,
Мечтая о чём-то большем,
Мы лишь говорим – другое.

Мы лишь составляем списки
Несбыточных, ярких желаний,
Но – не меняем прописку,
И ждём хоть каких ниспосланий.

А место другое – близко,
И долгих не нужно блужданий.

Стратегема истины в вине

Какая стратагема
Есть у интеллигенции?
Про истину в вине мы
Подразовьём сентенцию.
Мол, тут зависит много
От качества вина,
Ведь истина убога,
Когда она бедна.

Найти с Агдамом вряд ли
Возможно радость истины.
А вот искать под Кьянти
Доступно и филистерам.
Хоть после пары литров
Нам станет всё равно,
Достойного ль калибра
Мы выпили вино.

NB. *Фили́стер*, -а; м. [от нем. Philister – филистимлянин, обыватель] Неодобр. Человек с узким обывательским кругозором и ханжеским поведением; мещанин, обыватель.

Осенняя сценка из Фауста

*Изощрённой расцветкой
Изощрённо сияет
Клёна яркая ветка,
Глаз собой изощряя.
Я*

Фауст.

Мне скучно бес...

Мефистофель

Что делать, Фауст,

Такой вам положен предел:

Нести осенней рифмы хаос

В ваш человеческий удел.

И разглагольствовать о разных

Оттенках вянущей листвы,

Писать назойливо и праздно

О пожелтении травы,

Писать о скуке, увяданье,

Приумножении хандры,

Тоске и прочем обаянье

Унылостей сией поры.

Пиши и ты.

Фауст

Сухая шутка.

Найди мне способ как-нибудь
Развеяться.

Мефистофель

Доволен будь,

Ты доказательством рассудка.
В своём блокноте запиши
Мысль об унынии природы
Не возвышает блеск души,
Но дарит надземное что-то.

Фауст

А разве я не в праве стать
В ряды прославленных поэтов,
Чтоб осень ту живописать
Изящным, вычурным куплетом?
Писать, как Тютчев или Фет,
Витийствовать...

Мефистофель

Как Блок и Бунин?

Увы, на всех пиитов юных
Столпов Алесандрийских нет.

Но помни, если есть фонтан
В твоём Михайловском, неожиданно
Заткни его, пусть будет дан
Сиесты отдых и фонтану.
Уйми желанье извергать
Осенние сонето-оды
И дай спокойно увядать
Игривой красоте природы.

Фауст

Ах, как же мне поэту быть?

Мефистофель

Известно как.

Фауст

Всё утопить...

Сцена не из Фауста

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?

Таков вам положен предел,

Его ж никто не преступает.

Вся тварь разумная скучает:

Иной от лени, тот от дел...

А. С. Пушкин. Сцена из Фауста

Год падения Челябинского метеорита. Площадка на вершине террикона, похожего на террикон бывшей горловской «Кочегарки». Утро за час до рассвета. Установлен штатив с профессиональным фотоаппаратом, объектив которого направлен на восток, в сторону больших промышленных комплексов, похожих на горловские «Стирол» и Коксохим.

ФОТОГРАФ (Ф.) и чуть позже некто МАЛОЗНАКОМЫЙ (М.)

Ф.

Как холодно... Отвратный ветер
Пронизывает до костей,
И в утреннем холодном свете
Мне словно трижды холодней.

Одевшийся как для прогулки
В довольстве солнечного дня,
Я здесь без кепки и тужурки
Нелепой выгляжу фигуркой,
Коль снизу видит кто меня...

На этой ледяной Голгофе
Я сожалею об одном:
Что взял с собою термос с кофе,
Оставив флягу с коньяком.

...День изначально не задался:
Коньяк забыт и не в сезон
Одежда, в коей я забрался
На этот чёртов террикон.
Плюс до восхода час... Похоже,
От холода я не дождусь,
Когда светила лик пригожий
Явится, светом обнадёжив...
Ведь я в сосульку превращусь.

И пальцами, что так некстати
Окоченели на беду,
Боюсь, на фотоаппарате
На кнопку "спуск" не попаду...

Ходит, пританцовывая, вокруг штатива.

...Как время тянется, когда ты
Бездельничаешь, но как скор
Его безумный бег завзятый,
Когда в запарке распроклятой
В твоих делах возник затор.
Для смертников и для влюблённых
Час словно быстротечный миг
На фоне дней ленивых, сонных
И часто попросту пустых...

...Для тех, кто вынужден порою
Кого-то или что-то ждать,
Час также полон пустотою,
Тягуче-вязкою, тугою...
Но только суткам он под стать.

Вот и выходит. Что не делай,
А пустота повсюду ждёт
И скукой серой, оголтелой

Нас иссушает до зевот.

Вспышка и неясный шум. Через время появляется М.

Но что за вспышка? Неужели
Друзья челябинских гостей
Из звёздно-лунных областей
В пределы наши залетели
Потешить живостью своей...

Возможно что-то и сумел бы
Сфотографировать сейчас,
Когда б, вот чёрт, не захотел я
От холода пуститься в пляс.
Теперь же стой и озирайся,
Увидеть что-либо старайся,
Рассматривай со всех сторон
Полузаросший террикон.

...Ну, хоть какое-то событие
Меня от скуки отвлечёт.

...Пусть только без кровопролитья
И без финансовых невзгод.

М.

Вам скучно, друг мой?

Ф.

Что вы, что вы...

Я «скучно, бес» не говорил.

А скука? Да, я это слово,

Возможно, и употребил.

М.

А как с упоминанием беса?

Я что, напомнил вам его?

Ф.

Возможно, пушкинская пьеса

Засела в мыслях...

М.

Ничего...

Ф.

Меня вы не судите строго:

У вас весьма престранный вид...

Да, вы напомнили немного

Мне беса. Только без обид.

Мне кажется, что Мефистофель

Имел бы с вашим схожий профиль,
Когда б являлся наобум
Он к людям под подобный шум...

...Съязвил я, да, но не настолько,
Чтоб вас иронией сразить.

М.

Я не обиделся нисколько.

Ф.

Я рад, и всё ж прошу простить.

М.

Но вы, признаюсь, угадали.
Я он и есть.

Ф.

Кто он-то?

М.

Бес,
Поднявшийся с глубинных далей
Или спустившийся с небес.
Судите по воззрениям вашим,
Откуда должен приходиться

Бес-искуситель: с горних башен
Иль с бездны ада, может быть.

Но Мефистофелем, наверно,
Меня не стоит называть.
Не от того, что имя скверно —
Оно длинно неимоверно
И трудно в стих его вставлять.
Зовите «бес» меня.

Ф.

Так просто?

М.

Так просто. Бес.

Ф.

А Фауст – я?

М.

Ну, разве что в витийстве тоста,
Что возгласим мы за себя.

Ф.

Провозгласили бы, да нечем,
Коньяк забыт. Есть кофе, но

Пить кофе термосный за встречу,
Увы, не самое оно...

Но в вас же дьявольская сила!
Спиртным мой кофе заменить
Для вас раз плюнуть, может быть.
И нам вдвойне бы подфартило:
Явив коньяк бы, вы сумели
Подобным образцом чудес
Мне доказать на самом деле,
Что вы и вправду ловкий... бес.

М.

Как просто доказать землянам,
Что ты есть суперсущество:
Создай напиток без изъяна...

Ф. *(Демонстративно потирает руки)*
...С закускою из ничего.

М.

Откройте ж термос и вдохните
Прелестный запах бренди, ведь
Звать коньяком его, простите,
Нам права не дано иметь.

Ф.

...Коньяк и вправду!

М.

Только бренди.

Не будем с вами посягать
На копирайт, на коем сбрендил
Ваш мир, ища в нём благодать.

Ф.

...Вы что же, дьявол?

М.

Нет, ему я

Ни родственник, ни брат, ни сват.
Мы связаны – не напрямую,
Но... связи этой длинен ряд.

И точно так со светлой частью
Я тоже не совсем в родстве.
Мы как коллеги...

Ф.

Что отчасти
Замешано на кумовстве.

М.

Жизнь различила наши средства,
Рецепты, методы, пути,
Но всё же мы в добрососедстве
Стараемся вперёд идти.
И пусть нас видят в разном цвете, —
Мы все имеем цель одну:
Не как Монтекки с Капулетти,
Зло развязавшие войну.
Нам зря витийствовать и спорить
Не нужно: мы не на ножах.
Мы лишь, трудясь в одной конторе,
Сидим на разных этажах.

Ф.

Так вы из тёмных?

М.

Да, из тёмных.

Тревожит это вас?

Ф.

О, нет.

По крайней мере, мыслей... стрёмных
Во мне не будит ваш... сюжет.
Трюк с коньяком – лишь фокус хитрый.

Хоть, признаю, коньяк хорош,
С чудесной вкусовой палитрой,
Такой здесь просто не найдёшь.
К тому же...

М.

Ах, ответ ваш знаю.

Лукьяненко и иже с ним
Вас постоянно приучают,
Что тёмным быть – не означает
Являться непременно злым.

Ф.

И Ницше утверждал, что счастье
Быть тёмным – льготы придаёт
Творить, что хочешь, в нервной страсти,
Болтать, что в голову взбредёт.

Опять же – Оккама заветы...

М.

...Не позволяют вам признать,
Что жизни чуждые сюжеты
Вполне способны удивлять?..

Изгнав из вашей жизни сказку,

Вы жизнь сумели упростить.
Но то, что мир утратил связки,
Рельефность, выпуклость и краски,
Как бес могу вам подтвердить.

Поверьте, следует порою
Для объяснения чудес
Мир представлять себе игрою
Могучих сил, чей тяжек вес.

Ф.

Того божественного сонма,
Что столь пригляден большинству,
Поскольку выдуман нескромно
С людским подобьем божеству?
Иль годного для пьесы Шварца,
Любовь дарящего – не страх,
Наивного седого старца,
Воссевшего на облаках?..

М.

Нет, сил природы. С нею точно
Никто из мыслимых богов
Ни напрямую, ни заочно
Сравниться будет не готов.

Мультивселенная огромна,
Она умеет удивить...

Ф.

И ваши бесовские сонмы
Из атомов шальных сложить?

М.

Природа столь разнообразна,
Непостижимо глубока...

Ф.

...Что поиск истины напрасным
Покажется наверняка?

...Иль станет страшно ненавистен,
Таким, как прочая возня...

М.

Лишь только если поиск истин
Не сделать смыслом бытия.

Вы, кстати, в термос загляните.
Чтоб вам на «фокус» возразить
Решил я кофе (уж простите!)
Опять на место возвратить.

Ф. (*Принюхивается к термосу*).

Ах, это зря! Коньяк умеет
Глубинность спору придавать.
Он и желудок славно греет
И душу может зажигать.

М.

...Ну, что ж, тогда и мне налейте:
Я снова бренди возвратил
В ваш термос. Так что не жалейте!
Лет триста я такой не пил.

Но вы не правы: вряд ли споры
Под сей напиток хороши.
Ведь там, где вспыхивают ссоры,
Нет места для красот души...

Ф. (*Снова принюхивается к термосу*).

О, вновь божественный напиток
Почтил собою термос мой.
Спасибо, друг мой бесовской,
Освободил меня от пыток
И сожаления...

М.

Пустьяк.

Здесь волшебство такого рода
Мне разрешает мать-природа.

Но там, откуда я, – не так.
У нас в запрете сотворенье
Любых шутоквин с мест иных.
Вот где, поверьте, сожаленье,
А ваши «муки» – лёгкий чих.

Когда находится минутка
(Считать по-вашему – года),
Я, словно глупый ангел, в шутку
Сюда являюсь иногда.

Земля – не отчие пенаты,
Где был когда-то я рождён,
Но здесь любовью как наградой
Быть может каждый одарён.

И если даже прочь отбросить
Любовь и счастье, сердце просит
Не забывать манящий смак
Таких шедевров, как коньяк.
И ради этого напитка
Я многое б в залог отдал...

Свою же душу – так, навскидку —
Себе бы самому продал.

Ф.

Но что как бесу вам мешает
Сюда почаще прилетать?
Щелчков хвостом не запрещает,
Надеюсь я, природа-мать?
А прилетев сюда...

М.

«Явившись»,
Не «прилетев».

Ф.

Да будет так,
Будь по-простому – «очутившись»,
Найдёте жизнь, любовь... Коньяк...

М.

Да вы в язвлении мастак...

Но я отвечу, что мешает
Являться в ваш подлунный мир
Мне чаще, чем душа желает,
Чем жаждет внутренний жуир.

Ф.
Жуир?

М. *(Отмахиваясь).*

Искатель удовольствий,
Не томно-вялый сибарит,
Погрязший в бездне разлогольствий...

Так вот: за каждый свой визит,
За каждый здешний шаг должны мы
Вам долг услугами отдать.

Чтоб не могли неудержимо
Себя мы вечно ублажать...
И чтоб не тешили гордыню
Мы сутью бесовской своей,
Тем что поныне и отныне
Мы вас умением сильнеей.
Чтоб в праздной роскоши и блюде
Не прожигали жизнь дотла...
Чтоб не искали в каждом блюде
Мы вкусов, коим несть числа...
За наркотическом угаром
Чтоб не выискивали цель...

Ф.

...Хотя порой иной бордель
Да вкупе с ним бодрящий хмель
Под ароматный дым сигары...

М.

...Жаркого аппетитный дух,
Беседа, что наш праздный слух
Скандальной рознью не бодряжит —
Жизнь делают намного краше.

...Однажды с неким человеком
(Приятно это вспоминать)
Мы принялись лихим набегом
По местным кабакам гулять.
Любые яства и напитки
Во всех харчевнях и корчмах
Употребляли мы в избытке
До помраченья в головах.
Уже потом на бреге моря
Мы, примостившись среди дюн,
Пикник устроили, задоря
Глаза шатром из звёздных рун.
Казался универсум щедрым,
Казался неким счастьем полн.
Расслабившись под лёгким ветром

И йодистым дыханием волн,
Мы ели вяленое мясо
Да запивали коньяком,
И до утра точили лясы
И обо всём и ни о чём.

Тогда уже я не старался
В суть собеседника вникать,
Хотя до этого пытался —
Сказать точнее – изголялся
Всё человечество познать...
И как-то на него влиять.

Родившись не в роду Титанов,
Сейчас, как заурядный бес,
Я не вынашиваю планов
Пришпоривать земной прогресс.
Попробовал – не получилось,
Прогрессорство – не для меня.
Отправил рвение на силос,
Ведь этот силос не в коня.

Так, в снежный ком нагромождая
Пустословесную лапшу,
Всё это высказал тогда я...
Соратнику по кутежу.
И предложил ему подумать,

Что б мне такое сотворить?
Чем за день пиршества и шума
Его-де отблагодарить?

Пусть, дескать, мне задаст работу
Со шкурной пользой для себя.
Как поп Балде, – но с тем учётом,
Что ада порожденье я.

Мой полуночный собутыльник,
Весьма учёный человек,
Зарделся, как слепой светильник
В мерцанье предрассветных нег.
Он словно этого момента
Со скрытым нетерпеньем ждал
И мысленно, как из фрагментов,
Желаний пазл собирал.
Дождавшись моего призыва,
Он – не слепая простота! —
Мне тут же выложил всё живо,
Как будто зачитал с листа.

Набор обычный: деньги, слава,
Признание заслуг, любовь,
И власть – налево и направо,
И хлеб со зрелищами вновь.

Он был и так учён, известен,
Богат – и так, любим – и так,
Ну разве что мелкопоместен,
Но по рождению – не простак.
Стать сразу князем, глянем шире, —
Излишество и франтовство.
Добавим-ка в учёном мире
Побольше веса для него.
Накинем денег, лишний талер
Не помешает никому.
Добавим в голос больше стали,
Харизму в плюс к его уму.

И всё. А что же будет дальше,
Когда со временем пройдёт
Напитанный слащавой фальшью
И лестью славы хоровод?

Он знал ответ. Как рюмку водки
Допив остатки коньяка,
Вдруг протрезвев, промолвил чётко:
«Прибудут скука и тоска...»

Ф.

«Вот и выходит. Что не делай,

А пустота повсюду ждёт
И скукой серой, оголтелой
Нас иссушает до зевот», —
Сегодня думал я об этом...

Так, стало быть, с седых времён,
Нам Гёте с Пушкиным воспетых,
Мир едкой скукою клеймён?

М.

Со времени, как появился
У хомо сапиенс досуг,
А хомо не подсуетился,
Чтоб с большей пользой крутился
Неугомонных мыслей круг.

Ф.

И верно: в пушкинском творенье
Его велеречивый бес
Провозглашал, что скуки тленье —
Рассудка вздорного процесс.
«Вся тварь разумная скучает...», —
Как верно написал поэт.

Да, кстати, мне напоминает
Рассказ ваш пушкинский сюжет.

М.

Я Александру много разных
Историй как-то рассказал,
И пару он в своих прекрасных
Стихах потомкам передал.

Ф.

Так вы и с Пушкиным кутили
По царскосельским кабакам?

М.

Встречались, но вина не пили,
Был хмель ему не по годам.
Он юн тогда был.

Но та встреча —
Сюжет другого скетча.

Ф.

Да,
Но шок от этих слов, замечу,
Достал до низа живота...

Скажите-ка, вы и с Пилатом,
Как то Булгаков описал,

Дорогой лунною когда-то
Шли за небесный перевал?

М.

С Пилатом? Нет, на этом свете
Не только я один гощу,
И приключения ищу
На... В общем... части тела эти.

Хоть те события бесценны,
Они по смыслу, повторюсь,
Не тема нашей с вами сцены,
Я развивать их не берусь.

Продолжу я о разговоре
На берегу ночного моря,
Где собеседник мой в мольбе
Застыл от жалости к себе.
Так глубоко он погрузился
В пучину грустных мыслей, что,
Мне показалось, он забылся,
Где мы, кто мы и кто есть кто...

Ф.

Ах, знаю, чем его раздумья
Закончились. Могу судить

По Пушкину: в хмельном безумье
Он пожелал всё утопить?

М.

Примерно так, как вы сказали!
Не будем глубоко вникать.
Манерным ямбом все детали
Дотошно трудно передать.

Ф.

Так что теперь? В конце беседы
Вы мне предложите решить,
Кого из жителей планеты
Нам с вами стоит утопить?

М.

Что ж непременно утопленье?
И примитивно и старо.
Нафантазируйте решенье
Другое.

Ф.

Дали мне добро?

М.

Сегодня вы упоминали

Челябинский метеорит.
И у меня есть в арсенале
Подобный астрореквизит.
Давайте на заводы эти

Указывает в сторону промышленных комплексов.

Мы сбросим камешек с Луны,
Так, чтоб прошёлся по планете
Девятый вал взрывной волны.
Давайте от души устроим
Неистовый локальный ад.

У вас, как вижу я, настроен
Уже ваш фотоаппарат.
Готовьтесь насладиться драмой —
Сегодня день великий ваш! —
Отснимите кровавый самый
В столетье этом репортаж.

Все Пулитцеры, World Press Photo

И прочее – у ваших ног;
И славы дивные высоты;
И денег бешеных щедроты;
Все радости – на ваш порог

Без потрясений и тревог.

Ф.

Всё тоже, значит: деньги, слава,
Признание заслуг, любовь,
И хлеб со зрелищами...

М. *(с улыбкой)*

Право,
Я повторяюсь вновь и вновь?

Ф.

Увы, мне следует признаться,
Что люди с фаустовских дней
Ничуть не изменились.

М.

Эй!
Так значит право повторяться
Лишь укрепляется сильнее!

Ф.

Как укрепляется людское
Желанье лени потакать,
Искать безделья и покоя,
Ворчать, ругаться...

М.

И скучать?

Ф.

...Мы подменили счастье скукой,
Спор – оскорблением того,
Кто просто не приемлет муку
Быть с нами мненья одного.
Все и со всеми нынче в ссоре,
Предчувствие войны – сполна.

М. (*в сторону*)

Увы, к вам, друг-фотограф, вскоре
Придёт реальная война.

Громко.

Так каково решенье ваше?
Час фотосессии не ждёт.

Ф.

О нет! Порой бесславье краше,
Чем столь сомнительный почёт.
Пусть лучше буду я безвестно
Снимать пейзажи и цветы,

Букашек, птичек бессловесных,
Чем стану фактором беды.
Подобный ужас, извините,
Не для меня. Я – не маньяк.

Пьёт прямо из термоса.

Уж лучше просто подскажите,
Где мне найти такой коньяк.

М.

И мне налейте.

Что же, здраво
Решили вы. Что тут сказать?
Ваш выбор – это ваше право.

А не желаете ль узнать,
Как поступил мой собеседник,
Прообраз Фауста, когда
Я – исполнитель и посредник
Его желания – тогда
Поднял с пучин волну крутую
И устремил на корабли,
Чтоб разнести их подчистую
По закоулочкам земли?

Ф. (*Задумывается*)

Остановил вас?

М.

Чрез мгновенье

Он после слов «Всё утопить!»

Воскликнул: «Дьявола творенье!

Застынь!» И мне пришлось застыть.

Какая блажь его постигла,

Сейчас я не берусь сказать.

Волна опала, и утихла,

Забархатившись, моря гладь.

Опомнившись, мой собутыльник

Послал меня ко всем бесам

И, судя по его глазам,

Дал мне заочный подзатыльник,

Забыв о том, что бес я сам.

За пеленою помутненья,

Что породило озорство,

Ушли остатки опьяненья,

А с ним – и радость от него.

Мы не закончили наш ужин:

Душа уже была сыта...
И распрощавшись неуклюже,
Расстались хладно навсегда.

Ф.

Но вы-то хоть не позабыли
Харизмой, славой и мощной
Вознаградить беднягу. Или
Ушёл он грустный и пустой
И ко всему вдобавок злой?

М.

Всё было вручено по списку:
Остаток данных свыше дней
Он прожил счастливо, без риска
Жить бедно, сиротой, без друзей, —
Имел успех, семью, детей.

Ф.

Не столь остро и драматично,
Как это Пушкин описал,
Но с хэппи-эндом симпатичным,
Который я не ожидал.

М.

Бывает разное. Не стоит

Сейчас об этом говорить,
Ведь скоро солнышко раскроет
Свои объятия. Может быть...

Раскроет, может! Если только
Вы не возжаждете сей свет
Дефрагментировать на дольки,
Как власти местные бюджет.

Ф.

Кто? Я?

М.

Да, вы. Так судьбы мира
Порой вершатся не в дворцах,
Не генералами в мундирах,
Не иереями в церквах,
А часто просто неизвестным
Дехканином, что свой товар
Привозит осликом на местный
Пропахший пряностью базар.

Ф.

Или фотографом наивным,
Забравшимся на террикон
Холодный, негостеприимный,

Как Снежной королевы трон?

М.

Или фотографом... Вы разве
Не можете, как злой вампир,
Стать тем проклятьем, тою язвой,
Что изничтожит этот мир?

Ф.

Нет, не могу... Ведь я скорее,
Коль будет случай пожелать,
Задачу вам задам... добрее,
Гуманней, шире... И скорее
Масштабам мировым под стать.

М.

...Чтоб счастье всем, для всех и даром?
Никто пусть больше не уйдёт
Обиженный?

Ф. (*Смущенно*)

        Таким ...макаром...
Я и хотел сказать.

М.

        Так вот.

Навряд ли это пожеланье
Возможно реализовать,
Поскольку человек – создание,
Которое нельзя понять.

На свете часты индивиды
Не счастливые от того,
Что кто-то рядом нарочито
Живёт счастливее его.
Обиженных соседским счастьем
Желанье ваше вгонит в грех,
Разбудит низменные страсти
И – будет счастьем не для всех.

Давайте-ка формулировку
Стругацких сузим... лишь до вас:
Мне – счастье, дескать, мне...

Ф.

Неловко,

Что только мне.

М.

Так что вы – пас?

Ф.

Отказываться вроде глупо...
Казаться лучше, чем ты есть...
Так неразумно жить в халупах,
Когда вокруг дворцов не счесть.

Но почему нельзя расширить
Круг счастья на мою семью?
Мой род, мой дом, район – и шире:
На город и страну мою?

М.

Причина та же: даже в вашем
Роду найдётся индивид
Обиженный, с которым кашу
Не сварить, – сердце защежит.
Про дом, район, страну и город,
Не стоит даже вспоминать.
Когда ваш мир враждой расколот,
То ненависти злобной голод
Не нужно завистью питать.

Ф.

Так что ж выходит, в одиночку
Легко разрушить целый свет,
А осчастливить – хоть в рассрочку,
Хоть полной суммой – силы нет?

Утешься малым?

М.

Пить не будем
Унынье на аперитив!
Ведь вы – счастливый! – близким людям
Раздарите свой позитив.
Наверняка живущим с вами,
Уютно станет и легко.
А там, как по воде кругами,
Между знакомыми-друзьями
Мёд счастья хлынет широко...

Ф.

...И меж кисельными берегами
Пойдёт рек сытных молоко.

Всё как-то приторно-елейно.
Столь неестественная речь
С широких рельс в узкоколейку
Меня пытается увлечь.

М.

Глобальных замыслов изгибы
Прямолинейны, но пусты.
Прогресс они не движут. Ибо

Жизнь не приемлет простоты.

Ф.

Ну что ж, тогда скажу «спасибо»,
Отринув глупые мечты.

Останусь с тем, что есть. Халупой
Моё жилище называть
Имеет право лишь сугубо
В дворцах ютящаяся знать.
Утешусь нынешним достатком.
Умеренный мой аппетит
Меня вполне на свете шатком,
На неумеренности падком
От пресыщенья защитит.
Возрадуюсь, что, слава Богу,
Такой семьёй, какая есть,
Вознаграждён судьбой, премного
За эту благодарен честь.

И всё... Я не нуждаюсь в благах,
Что вы намерились мне дать.
От беса сложно принимать...

М.

Всё как в Лукьяненковских сагах,

И не добавить, не отнять.

Там тоже разные герои
Воздерживаются щедрот,
Сверхсилы, сверхуменья, кои
Им литератор раздаёт.

Придумать «логику» подобных
Отказов автору легко,
Есть сотни способов удобных
Героев недееспособных
Направить пулей в молоко.
Но ведь по жизни дармовщина
Вас продолжает привлекать,
Своекорыстьем прирастать,
Чтоб в анекдоте про раввина
Субботе пятницу стать.

Отказ от блага не логичен,
Не убедителен и не
По-человечески привычен...

Ф.

...Но как фантастика – вполне.
Вы – бес, а я – фотохудожник,
Мы не совсем тот идеал,

Где б мог соцреалист-киношник
Найти достойный матерьял.

Поэтому я подтверждаю
Вам «алогичный» свой отказ.

М.

Ну, что же, я не принуждаю.
Вы отказались в третий раз.

На этом наши с вами пренья
Прекращены. Закончен стих.
Я получил освобожденье
От всех повинностей своих.
Вы не по нашей, тёмной, части,
А некий ангел – во плоти.
У нас – на горе или счастье? —
Отнюдь не сходные пути

Прощайте и не обессудьте.
И помните о Всеблагом...

Собирается уходить. А Ф. готовится снимать промышленные комплексы на фоне восходящего солнца.

Ф. (не поворачиваясь, вслед уходящему М.)

Вы сожалеете, как будто?..
Ну, что ж, расскажете потом...

М. остаётся.

М.

Я сожалею о другом...

...О том, что здесь случится вскоре,
Я мог бы много рассказать.
Про смерть, несчастья и горе,
Про кровь, разруху, беды, хвори...

Ах, и не стоит начинать.

Но знать должны вы, друг чудесный:
Здесь тысячи невинных душ
Возвысятся в чертог небесный...

Но вот не нашим будет куш.

Ведь души праведные эти
Отныне, присно и вовек
Минуют бесовские сети
Моих по духу тьмы коллег.
Всё потому, что вы сумели

На искушения мои
Ответить жёстко, ведь на деле
Мои слова как яд змеи.
Вы твёрдым неприятьем блага
За счёт несчастий остальных,
Как лакмусовая бумага
Пометили добро своих
Соседей мёртвых и живых.

Ф.

Все земляки мои навряд ли
Достойны милости небес.

М.

Увы, не все. Но больший вес
Имеют те, кто не податлив
Искусу дармовых чудес.
И больше тех, кто не в услугу,
А от глубин своих щедрот
Участливо протянет руку
Тому, кто в горе попадёт.

Ф.

Странны порядки ваши, право!
Не мне об этом рассуждать,
Бесбóвщину своим уставом

Неловко как-то исправлять.

М.

...И не смотрите с укоризной,
Поверьте, я не людоед.

Ф.

Как говорится, только бизнес
И личных мотиваций нет?

М.

Мы негодяи по работе.

Ф.

А в жизни лапочки?

М.

О, да!

Раз вы не во грехе живёте,
Зачем мне вам желать вреда?

Прощайте, искренне желаю
Хорошей сессии сейчас.
Успехов вам не обещаю...
Но слава – это ж не для вас?

Ф. продолжает снимать. М. отходит в сторону и говорит не слышно для Ф.

А от себя я вам внакидку
Хочу уменье подарить,
Как благородные напитки
Среди отстоя находить...

И дальше голос его меняется, становится торжественным и громогласным.

А также навывк заодно,
Как воду превращать в вино,
И рыбою с пятью хлебами
Всех накормить, кто рядом с вами...

Ф. *(трясёт головой, словно бы просыпается после глубокого сна и говорит, будто бы М. для него не виден)*

Что только не привидится порою,
Когда пьёшь кофе вместо коньяка.
И справедливость видится герою
И жизнь бесцельною не кажется пока...

А это бред, наверняка...

Возвращается к фотоаппарату.

Закрывается занавес, на котором просматривается си-

луэт М. Только видится он теперь как высокая фигура в хламиде с большими крыльями за спиной. Потом становится виден силуэт Ф. Он не увеличился в размере, как М., но у него тоже видны крылья. Пока ещё маленькие.

Так говорил Петрович

Поэма-пародия

Нищие. Это был большой поэт.

Однако ему весьма не повезло с

поклонниками.

А.Н. и Б.Н. Стругацкие

«Отягощенные злом, или сорок

лет спустя»

1

Когда Петровичу исполнилось за тридцать,

Но не дошло до сорока немного,

Ушёл из дома он и стал бродить странюю,

Что до окраин самых от Москвы.

Петрович наслаждался сладким духом,

Витавшим над бурлящею отчизной:

"Даёшь в три года!" – и давал Петрович,

"Все на защиту!" – он и защищал.

Как в мелком захолустье проститутка

Познала всех мужчин своей округи,

Познали сапоги его пылицу

Великих строек всех наперечёт.

Петрович там работал, словно трактор,

С такую неестественной отдачей,
Что в ужас приходили бригаиры
И дохли со смеху все тамошние псы.

Петрович не от мира был рождённый,
На это довод был и очень сильный:
Он всей официальной пропаганде
Бездумно верил до глубин души.
Понятно даже бабушке Евдотье,
По-прежнему считавшей Землю плоской,
Что был Петрович конченным болваном,
И видно было то за километр.

Но вдруг однажды словно осенило
Петровича полишинельной мыслью:
Не всё в стране у нас благополучно,
И нужно что-то срочно предпринять.
Петрович тут же, как и был в спецовке
И в сапогах, не чищенных с рожденья,
Направился в Москву, чтоб там к ответу
Правителей зарвавшихся воззвать.

И он воззвал. Его арестовали,
А позже в дом весёлый поместили,
Чтоб меж уколами подумал на досуге
Он о глубоком смысле бытия.

Спустя какое-то несчитанное время
Петрович был отпущен на свободу
С диагнозом таким, что дерьмовозом
Его б не стали на работу брать.

Запил Петрович горькую со скуки
Или с тоски, что в общем-то не важно,
А важно то, что странные виденья
Являться стали в пьяный мозг его.
Почувствовал себя он то ль мессией,
То ль кем ещё из оному подобных,
Хотя Петрович с детства был безбожник
И бога непреклонно отвергал.

Петрович вышел на свое подворье,
Взглянул на небо и воскликнул солнцу,
Поскольку неожиданно потребность
Общения возникла у него:
"Великое светило! Разве б было
Ты счастливо, когда б ни отыскалось
Ни одного наземного объекта,
Кому ты светишь с неба день от дня?
И люди, и животные, и птицы —
Мы все тебе внимаем ежедневно,
Ждем ежеутренне тебя, благословляем

Тобою нам даримое тепло.

Взгляни! Я как пчела, что сладким мёдом
Бывает переполнена до края,
Перенасыщен мудростью глубокой.
И не смогу спокойно жить, пока
Кому-нибудь не передам крупичицы
Явившихся во мне глубоких знаний.
Имея их, вовек не буду счастлив,
Коль не смогу их людям подарить.

Благослови ж мое стремленье, Солнце,
Петь мир людей". Так говорил Петрович.

2.

Поскольку он других аудиторий
Пока не знал, решил Петрович нужно
Начать с пивных, шашлычных, ну и прочих
Ему известных выпивошных мест.

Петрович говорил: "Ведь как ласкает
Красивой песней соловей сердца нам!
Но – чувствую! – он смог бы спеть поглубже,
Когда бы душу пивом усладил.
Прекрасным свойством пиво обладает:
Даёт настрой особый философский,

Ум направляет к осмысленную разных
Суперглобальных и простых проблем.
Не зря Германия в свой час явила миру
Классическую радость философий
Философы там пиво обожали,
Как и свою науку, мать наук".

И вот в одной пивной от пары кружек
Дойдя до философского настроения,
Он оглядел по столику соседа
И осторожно бросил пробный шар:
"Когда гляжу я, – начал так Петрович,
Кивнув на доходного забулдыгу,
Который допивал чужое пиво,
Поскольку на своё не заимел. —
Когда гляжу я на таких субъектов,
То не могу себе того представить,
Что человек – есть мост меж обезьяной
И суперчеловеком, что грядёт".

Сосед по столику взглянул на забулдыгу,
Кивнул Петровичу и на него уставил
Припухшие глаза интеллигента,
Пропившего последние очки.
Хотя соседа взгляд был замутнённый,
В глазах, налитых кровью, всё ж читались

Остатки там когда-то бывших мыслей,
Не вымытых от вечного питья.

Петрович, ободряемый киваньем,
Стал мысль свою разжёвывать яснее,
Что человек, мол, не венец природы,
Но эволюции срединное звено.

"Какой сверхчеловек? – сосед очнулся. —
Не тот, что будет жить при коммунизме?" —
Соседу словно с лёгким опозданием
Слова чужие добирались в мозг.
Петровича последние рулады,
Провозглашённые сейчас с мятежной страстью,
Достигнут непременно пониманья
Соседского, но пять минут спустя.

"При коммунизме будут жить сверхлюди, —
Сей мудрый муж продолжил изречение. —
Искусством будут заниматься всяким,
Науками и прочей ерундой.
Но только мне пока ещё не ясно:
Кто же из этих суперчеловеков
Дерьмо скрести и мыть посуду будет...
И подмывать всех этих суперОв?"

"При чем здесь коммунизм?! – в ответ Петрович
Воскликнул энергично. – Я имею
В виду, конечно же, не суперменов,
А кое-что получше, посильней.
Я говорю, что человек есть нечто,
Что нужно непременно превзойти нам.
И спрашиваю вас: что каждый сделал,
Чтоб превзойти обрюзгшего себя?"

Петрович "вас" воскликнул с полным правом,
Поскольку от его ретивых криков
Вокруг их столика успело подсобраться
Приличное количество людей.

"Я говорю: все существа на свете
До сей поры в итоге создавали
Такое что-нибудь, что становилось
Хоть в чём-то выше этих же существ.
И я надеюсь, вы не захотите
Отливом быть волны великой этой
И возвратиться к состоянью зверя,
Себя не превзойдя на зло судьбе.
Вы совершили путь безмерно долгий
И сложный – от червя до человека,
Но многое по-прежнему осталось
В вас от червя", – Петрович говорил.

3.

Однажды на предвыборном собрание,
Где кандидаты в что-то нагло врали,
Решил Петрович выступить с докладом
На тему "Вред холодных государств".

Но почему холодных? "Потому что, —
Как нам туманно объяснил Петрович, —
Все государства холодней холодных
Из всех чудовищ, живших на земле.
Холодными устами говорит нам
Оно холодным голосом утробным:
"Я, государство, есмь народ!" Представьте
Вы больше гадкую и выпретенную ложь.
Когда сочувствует волк съеденному зайцу,
Когда козёл жалеет о капусте,
Когда попы нам обещают вечность,
То все они гораздо меньше лгут,
Чем государство то, что есть последним
Дерьмом, отходами цивилизаций —
От первых прародителей шумеров
И до последних наших – с СНГ.

Я называю ныне государством
Всё то, где разом мы вкушаем яды,

Хорошие, дурные люди – вместе,
Хотя никто ни в чём не виноват;
Здесь жизнью величаем мы всё то, что
Самоубийством стоит называть нам,
Считаем прессою – ошибочно! – то место,
Куда всем обществом выблёвываем желчь.

Переродив себя, мы переступим
Через государства жуткое явление,
Пройдём по радужным мостам к сверхчеловеку —
Моей мечте", – Петрович говорил.

4.

Однажды в кабаке каком-то шумном
Петровича позвали на пирушку
По поводу печати новой книжки,
Что модненький поэтишка сверстал.
Петрович относился философски
К тому, что примет он рюмаху водки
Из рук нечистых иль из рук кого-то,
Кого учитель наш не уважал.
Присел спокойно, выпил сколько нужно,
Поел он с неизменным аппетитом,
Послушал с интересом дифирамбы,
Что для поэта наплели лъстецы.
Когда же, наконец, ему сказали:

"Произнеси, Петрович, речь во славу", —
Он встал и с жёстким заявил укором,
Что всем поэтам – просто грош цена.

Заверещал народ: "Из уваженья
К тому, кто нас сегодня угощает,
И ты бы мог, Петрович, разродиться
Не значащею парой сладких фраз".

"Да мог, конечно, – отвечал Петрович, —
Тем более что все поэты мира,
За жизнь свою родившие хоть строчку,
Бросаются словами только так.
Поэты вызывающе бесстыдно
Эксплуатируют терзания и чувства,
Они себя считают высшей кастой,
Хотя нет повода такими их считать:
Поэты не выращивают хлеба,
Не добывают уголь или руды,
Не ловят рыбу, и коров не доят,
Поэты даже улиц не метут.
Хотя среди них бывают единицы —
Один на тысячу, быть может, или меньше,
Кого назвать могли бы мы поэтом
На самом деле, но таких – чуть-чуть.

Вот эти единицы-то и движут
Нас человек к суперчеловеку,
Но даже эти гении от Музы
Бесстыдно лгут!" – Петрович говорил.

5.

Петрович падох был перед народом
Устраивать чреду пресс-конференций,
Он мог ответить на мильон вопросов,
Простых и сложных, лишь бы отвечать.

К примеру, как-то раз вертлявый умник
Сказал ему, что, мол, сверхчеловека
Нельзя создать, не распилив при этом
Сегодняшнего человека в пыль.

Петрович отвечал: "Всё это было.
Чтоб новый мир теперешний построить,
Разрушили всё старое в надежде
Из мусора конфеточку слепить.
Конечно, для того, чтоб возродиться,
Сгорала птица Феникс в мелкий пепел,
Но – человек! – он должен, не сгорая,
Стать к суперчеловечеству мостом".

В другой раз у Петровича спросили

Его, Петровича же, мнение о браке.
На что учитель отвечал сурово
По отношению ко всем женатым нам:
"Ах, эта бедность душ вдвоём и эта
Сплошная грязь души вдвоём, довольство
Собой вдвоём, – и наши люди это
Зовут свершающимся чудом в небесах?"

Признаюсь, сам женат вторым я браком,
Но остаётся развести руками,
Без комментариев оставив эти злые,
Обидные Петровича слова.

Спросил однажды бомж один с сомнением:
"Скажи, Петрович, в книгах философских
Почто запутанно, заумно говорится
О смысле жизни, цели бытия?"

"Когда б об этом, – отвечал Петрович, —
Могли бы Аристотель, или Ницше,
Иль Томас Мор с Эразмом Роттердамским,
Иль Соловьёв и Гегель рассказать
Как можно проще, то мозги бы ваши
Подобны стали куче из навоза,
Внутри созревшей, сверху идеальной,
Ну как цитатник Мао в постный день.

Тогда бы вам не нужно было думать,
Ведь вы бы руководствовались мыслью,
Преподнесённой миру человеком,
Почившим много лет тому назад;
Тогда б процесс всеобщего развития
Увяз бы, словно трактор на болоте;
Тогда бы никогда сверхчеловеку
На смену человеку не прийти".

Ещё его же как-то вопрошали
Об Иисуса чудном воскрешенье,
На что Петрович отвечал с усмешкой:
"Глупее вера только в коммунизм.
Христос, поверьте, умер слишком рано,
Но если б он сумел прожить подольше,
То обязательно б отрёкся от ученья,
Пришедшего не с миром, но с мечом.

Непреходящих символов завесой
Пьянят нас, словно тёплым самогоном.
Все церкви на земле и все идеи
О надземных надеждах говорят.

Умрут когда-то в этом мире боги,
Дав почву сочную для суперчеловека.
Я ж послан в мир, чтоб показать презренье

Ко всем богам..." – Петрович говорил.

6.

Любил Петрович песни, но, конечно,
Он никогда не принимал поповых
И всяких там скребущих душу песен
Про яблоки и груши на снегу.
Петрович уважал Гребенщикова,
"Алису", "ДДТ", "Пикник" и Цоя,
Любил он "Наутилус" и "Агату",
А позже внял Сплинов, Чиж и ЧайФ.
Философа – а ведь Петрович был им —
Не радуют ни ум его, ни сердце
Добрынины, Малинины и прочие
Безвкусное кабацкое вытьё.

В своих на эту тему размышленьях
Петрович отмечал, что ум, не сердце
Важней всего при восприятии песни,
Картины, фильма, прозы и стихов.
Петрович говорил: "Сверхчеловеку
Нужней всего сверхум, а не сверхчувства.
И это будет главное отличие
Сверхчеловека от простых людей.
Мне возразят, что человек не может
Быть человеком, не сгорая в чувствах,

Которые его являют сущность,
Определяют действия его.

Всё так и есть, о горе-чувстолюбцы,
Но вы забыли: у сверхчеловека
Совсем не тот отсчёт ориентиров
И ценностей, который есть сейчас.
А в том отсчёте победят не чувства,
И это, верьте мне, не так уж плохо,
Не значит это, что исчезнет жалость
И милосердие, любовь и доброта.
Но милосердие без мысли обернётся,
К примеру, не строительством детдома,
А возведением многоэтажной дачи
Чиновнику, несущему надзор.

Поверьте: романтичность, живописность,
Восторженность стихами, восхищенье
Руладами мелодий – всё прекрасно,
Но лишь тогда, когда над этим ум.
И этот ум – та точка Архимеда,
С которой мы сумеем сдвинуть Землю,
Отсчёт, с которого мы сможем по-иному
Мир оценить". – Петрович говорил.

Петровича частенько посещали
Довольно странные по смыслу сновиденья,
В которых он беседовал то с Ницше,
То с Кантом или Лениным самим.
Великие во сне с ним говорили,
Ругали, возносили черезмерно;
Петрович же не растекался маслом,
Всё принимал как должное себе.

Ильич ему твердил о том, что правду
Свою доказывать противнику не нужно,
А нужно просто силой оппонентов
Заставить эту правду принимать.
Воспитывать людей так с детства надо,
Чтоб эта правда наша прорастала
У них привычкой, навыком, инстинктом,
И чтоб сомнений с детства – никаких.
Петрович с Ильичом о том не спорил,
Хотя он думал не по-ильичёвски,
Он просто не хотел терзать больного,
Страдавшего маразмом старика.

Лев Николаич дружеским советом
С Петровичем во сне другом делился:
"Петрович, отвлекись от эгоизма,
Коль скоро разум у тебя не спит.

Ведь эгоизм законен в той лишь мере,
В какой он нужен нам для поддержанья
Себя в той всем необходимой форме,
Чтоб людям своим разумом служить.
Когда живёшь в иллюзии, рождённой
Своим закоренелым эгоизмом,
То жизнь твоя наполнится страданьем,
Живи для всех – и станет легче жить.
Любовь людей – вот лучшая награда".

Петрович отвечал, что он не спорит
С тем тезисом о мере эгоизма,
Львом Николаичем поведанным ему,
Но только с чем Петрович не согласен,
Так это с тем, что люди благодарны
И на добро добром ему ответят.
Такого не бывало никогда.

Петрович говорил: "Я не желаю,
Чтобы меня, как девушку, любили,
Ибо любовь народная топтаньем
Закончится по мне миллионов ног.
Топтаньем не от зла, а от желанья
Автограф взять иль просто чмокнуть в щёчку.
На это дам такое заключение:
Избавь нас, боже, от любви людей".

Томмазо Кампанелла как-то ночью
Петровичу втолковывал про город,
Где правят властью мудрости, где люди,
Как у Христа за пазухой живут.
И мудрость эта не от книжных знаний,
От пониманья сути каждой вещи,
Не в математике, не в физике – в глубокой
И тонкой философии вещей.

"Оно, конечно..." – отвечал Петрович
Поклоннику туманных рассуждений,
Не спорил он, хотя согласен не был:
Зачем же человека обижать?
Ну, заблуждался тот, что можно просто
Решать госуправления проблемы,
Едино только разбираясь в сути
Каких-то там предметов и вещей.

Беседовал Петрович с Диогеном
И про себя отметил, что приятно
Ему общаться с этим человеком,
Который ценность переоценил.
И вместе с ним зажѐг фонарь Петрович
Да и пошѐл искать сверхчеловеков,
Хотя и Диоген и наш учитель

Прекрасно знали – им их не найти.

Шагал Петрович вместе с Заратустрой
По водной глади рек, как по асфальту,
И слушал переливы мудрой речи,
И с робостью пророчествам внимал.
Он с тем не мог, конечно, согласиться
Из сказанного мудрым Заратустрой,
Что путь к добру и свету пролегает
Через веру к богу. Это он отверг.

Петровичу любое поклоненье
Казалось приниженьем человека,
Того, кто должен суперчеловеком
Не завтра, ну так послезавтра стать.
"Нас бог создал по своему подобию,
А мы, его подобье, – мразь и нечисть.
Так чем же бог величественней грязи,
Которая есть мы?" – Петрович говорил.

8.

Однажды вдруг учитель без причины
В дорогу неожиданно собрался
И на вопрос "Куда же ты, Петрович?"
Ответил, дескать, в вечность ухожу.

"Не уходи, – его мы попросили. —
Иначе нас опять тоска окрутит.
Ты угостил нас славною идеей,
Которой мы желали бы служить.
Мы, как гурманы, развратили вкус свой
Приятной, мягкой, нежной, сочной пищей,
И нас теперь и силой не заставишь
Есть перепревшее вонючее дерьмо".

"Тогда, действительно, мне нужно удалиться,
Коль вы мой труд возводите в идею.
Служение идее обернётся
Когда-нибудь сраженьем за неё.
Когда за что-то закипит сраженьё,
То будут обязательно и жертвы.
И жертвы не случайные – во благо
Прекрасных, ослепительных идей.
С чудесною идеей коммунизма
Миллионы уничтожены народа
И уничтожены, конечно же, во благо
Самих же, уничтоженных же, лиц.

О господи! Хоть нет тебя на свете,
Но я прошу: уразуми безумных,
Мечтающих сражаться за идею,
Угомони любителей идей.

И если вы мечтаете о сверхвеликих
Потомках наших мыслите идеями,
То грош цена и мне, и вам, и людям,
Которые за вами вслед пойдут.
Уже однажды кое-кто с успехом
Сумел использовать мысль о сверхчеловеке
Как лозунг для коричневых безумий,
Как превосходство нации над всем.

Я не творец идей, я лишь мыслитель,
Затронувший немного пласт познания.
И мне хотелось, чтобы вы врубались
Ещё сильнее в этот твёрдый пласт.
Но если вы не уяснили это,
То я уйду, оставив память вашу
Затронутой запутанным сюжетом,
Сплетённым из лозы туманных слов.

Забудьте обо мне, ведь я, возможно,
Вас обманул безумными словами...
Коль вы себя считаете умнее
Всех среднестатистических особ,
Стыдитесь же меня и ненавидьте.
Любить своих врагов гораздо проще,
Сложней гораздо ненавидеть друга.
И не считайте глупой эту мысль.

Ниспровергайте истины, старайтесь
Вы отстраниться от людских канонов,
Почаще спорьте, может, только этим
Вы сможете болото разбудить.
Я не учитель вам, и наставленья
Мои не стоит видеть в абсолюте.
От ученичества сумейте отстраниться
И от меня", – Петрович говорил.

9.

И он ушёл. Мы ж маялись в сомненьях,
Кто он такой? Мудрец иль сумасшедший?
И где его, а где чужие мысли?
Где суть всего, а где безмозглый бред?
Один из нас махнул на это дело
И предложил: "А не испить ли пива?"
Мы согласились, что ниспроверженье
Всех истин лучше с пива начинать.

...Хоть кол теши на голове народа,
Но всё ж его заставить очень трудно
Задуматься над чем-нибудь, что выше
Его малоизвилистых мозгов.

* * *

Всем Дедам Морозам, увы, суждено
Ходить в меховых полушубках.
При нынешнем климате видится «но»:
В них жарко, как в душегубках.

А нужно и тёплую шапку носить,
И валенки, и рукавицы.
Не так же, как Санта, задохликом быть,
Кургузым и бледнолицым.
Им, Сантам, не стыдно в ночных колпаках
И куценьких телогрейках
На крыши взбираться и впопыхах
Всех хэппиньюевить елейно.

А Деду Морозу положено быть
Неспешным, солидным, спокойным,
В дома с поздравленьями чинно входить,
Подарки дарить достойно.
Так что тепло, что из-под шубы его,
Все – добрые – его страсти
Лишь подогреют то волшебство,
Что он нам подарит на праздник.

О Золушке

Вариации и фантазии братьев Гримм, не вошедшие в их известную сказку и тем более не дошедшие до Шарля Перро

1

Чем Золушка сумеет отомстить
Тому самонадеянному принцу,
Нарушившему королевский принцип,
Решившему устои изменить?

Он отказался от принцесс заморских,
Он гнал их в шею и швырял подушки,
А сам решил жениться на грязнушке,
Забыв о чести и дворянском лоске.

Она ведь не преступник, в самом деле,
Она ведь не зарежет, не удушит,
А просто её как-то обнаружат
С садовником иль конюхом в постели.

Она уморит глупостью жестокой,
Она его манерами загубит,
И, как мечом, легко его изрубит

Пустой и невообразимой склокой.

Банты, воланы, рюши и корсажи,
Она казну растратит на наряды.
А выйдет на прием, как так и надо,
Немытая, испачканная сажей.

Сбегут от бескультирия поэты,
Сгниёт под скудоумием наука.
Когда на троне этакая сука,
Скажите, не несчастье ль это?

Вот так-то, романтические принцы,
Не знаю верно ли меня поймёте.
Когда ж хрустальный башмачок найдёте,
Не забывайте королевский принцип.

2

Её семья не бедною была,
Имела маленький уверенный достаток.
До смерти матери неплохо шли дела,
Но после как-то всё пришло в упадок.

Отец запил. Наверное, с тоски
(Тоска бывает даже в мире сказки).
Ему работать стало не с руки

И страшно захотелось женской ласки.

Но мачехи приход не разрешил
Семейный кризис, стало только хуже.
Их дом прекрасный, что так славен был,
Похож стал на ландо, увязший в луже.

Одна лишь Золушка трудилась, как пчела,
С утра до вечера, с восхода до заката.
Но разве маленькая девочка могла
Вернуть уют, потерянный когда-то.

3

Пока она на кухне уберёт,
Пока она работает в кладовой,
Отец с друзьями пьянствует в столовой,
А мачеха (пусть чёрт ее возьмёт!)
Одною лишь увлечена заботой:
Примерить свежекупленный наряд.

Да Золушке сказать, что та работой
Не слишком-де обременена; и сад
Из-за её же Золушкиной лени
Зарос, зачах, как скисшее вино,
Ведь их семья из-за нехватки денег
Садовника уволила давно;

Что Золушкин обед ей был невкусен,
Хоть супа она съела миски три;
Что Золушка перины плохо трусит,
Какие-то не мягкие внутри.

Ей падчерица действует на нервы!
И точно так же дочери её,
Здоровые, упитанные стервы,
Спят до обеда, но ругают всё,
Что б Золушка не сделала по дому,
Что б не сказала девушка в ответ.

И Золушкину сердцу золотому
Так стало трудно. Слов достойных нет.
Ей дом родной казался наказаньем,
Хотя её душа была чиста.
Мучения распятого Христа —
Ничто в сравнении с её страданьем.

4

Ну разве чистоту души хранить
Возможно в окружении злой силы?
И разве можно девушку винить
В том, что она-де принца охмурила?

Ей этот не совсем этичный шаг
Казался очень даже подходящим
В том положении способом, чтоб как-
Нибудь покинуть этот дом бурлящий.

Конечно, удивились все потом:
Где научилась Золушка кокетству?
Когда и как? На ней висел весь дом,
Трудилась неустанно с малолетства!

Открылись в ней, невинной, те черты,
Присущие богатым интриганкам,
Стремящимся до гробовой плиты
К блестящей партии с усиьем, равным танку.

На вашем месте, мнение моё,
Я ни за что б не осуждал её.

5

К тому же, принц наш не был дураком,
Хотя совсем и не блистал в науках.
Любил собак, и в кобелях и суках
Он разбирался лучше, чем в другом
Каком-нибудь ему известном деле.
Любил поесть, но выпить не любил.
Был мнительным. В своём дородном теле

Подчас болезней ворох находил.

Так вот наш принц – не конченный болван —
Поддался Золушке, как виноград под прессом.
Она красивая, но из заморских стран
Бывали и красивее принцессы.
Конечно же, умна, но только ум
Не главное для кандидатки в жёны.
И если принц остался ей сражённый,
То что тут скажешь? Видно, чёрт ей кум.

6
Когда же Золушка почувствовала власть,
Она вдруг поняла, что это так чудесно
Командовать людьми. Ее прелестный
И чудный ротик стал похож на пасть
Огнедышащего и грозного дракона,
Который беспрерывно, как часы,
На слуг безмолвных, словно на весы,
Обрушивал приказы важным тоном.

Да что там мачеха её? Она была
Практически невиннейшим ягнёнком
В сравненье с тем, как все свои дела
Вершила Золушка своим скандально звонким
До этого прекрасным голоском.

Дворец был, как Гоморра и Содом.

7

Стал принц почаще ездить на охоту,
И чаще без жены бывать в гостях,
Стал Золушку он избегать, как вертопрах
Отлынивает от любой работы.

Покинул бранный мир король-отец,
Казалось многим, наступило время,
Когда, достигнув власти, наконец,
Мог принц отбросить Золушкино бремя.

Но он за эти годы так обмяк
От постоянной жизни подкаблучной,
Что как бы ни хотел, не мог никак
Избавиться от жёнки злополучной.

И вот не принц – теперь уже король —
Стал править к умилению народа
Своей страной, а Золушка. И роль
Ей эта нравилась, как роза цветоводу.

Явились фавориты у неё.
Уподобляясь венценосным лицам,
Она меняла их, как рукавицы,

Как грязное нательное бельё.
Барон фон Шпугель, граф фон Фуфенлейце,
Виконт де Буи, герцог де Крильян.
И вот явился некто Гогенгейцер,
Из местных разорившихся дворян.

8
Сей Гогенгейцер не был истуканом,
Таким, как фавориты перед ним.
Прослыл он распрекрасным интриганом:
Где подкупом, где лестью, где иным
Подобным образом он проложил дорогу,
Ведущую в заветную постель.
И, спавши с королевой понемногу,
Помногу разрушал ту цитадель,
Что называют властью короля.
И если короля лишают власти,
То, видимо, лишают и отчасти
Частицы трона, трон – его земля.

Но Гогенгейцеру какой-то там частицы
Казалось мало, он ведь жаждал всё.
И он решил на Золушке жениться,
Избавившись от муженька её.

Случилось так, что как-то на охоте

Король свалился в пропасть со скалы.
Столкнули Гогенгейцера послы,
Убийцы очень скорые в работе.

9
Когда же стала Золушка вдовой,
Вернее, вдовствующей королевой,
То Гогенгейцер взвился, как над хлевом
Роятся мухи шумною гурьбой,
Над бедной Золушкой. Он за нею следом
Ходил, сочувствием и скорбью удручён,
Руководил и траурным обедом
И в целом всем процессом похорон.

Особо свою радость не скрывал он,
И это явно видели кругом,
И только Золушка одна не замечала
Каким же Гогенгейцер был дерьмом.
Мать Гамлета два месяца носила
Удушливую траура печать,
А Золушка полгода погрузила,
И стал ей Гогенгейцер намекать:
Удел вдовы, мол, не к лицу совсем ей.
И уговорам Золушка сдалась —
Пора покончить, мол, с грехами всеми
И объявить законною их связь.

Они венчались. И спустя три года
Наш Гогенгейцер полностью прибрал
К своим рукам всю власть и всю свободу...
А Золушку он в монастырь сослал.

10

Эх, Золушка! Как ты была мила!
И кем ты стала? И к чему пришла?